U 259/111

У 259/III

ПОДВИГИ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ

ВЪ ВОЙНУ 1808—1809 гг.

ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(Съ рисункомъ и планомъ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи журнала „Чтеніе для Солдатъ“
1886.

1721

Переходъ Русскихъ войскъ по льду Ботническаго залива.

У 259/III 1 кат.

ПОДВИГИ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ

ВЪ ВОЙНУ 1808—1809 ГГ.

ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

(Съ планомъ.)

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи журнала «Чтеніе для Солдатъ».
1886.

Екатерининскій кан., № 78.
2717

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
ф66578-41

2007099198

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го октября 1886 года.

ПОДВИГИ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ

ВЪ ВОЙНУ 1808 — 1809 ГГ. ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

I.

Дѣйствія на морѣ и на сушѣ.

Каждый годъ, въ осеннее время, большая часть нашихъ войскъ участвуетъ на маневрахъ. День-деньской, въ жарѣ и зной, въ холодъ и ненастье, они наступаютъ и отступаютъ, затѣваютъ перестрѣлки, берутъ приступомъ различныя укрѣпленія; и все это продѣлываютъ для того, чтобы пріучиться къ настоящей, такъ сказать, заправской войнѣ. А когда случится эта заправская война—и Богъ ее вѣдаетъ! Развѣ въ 20 лѣтъ разъ, когда уже многихъ изъ насъ не будетъ на этомъ свѣтѣ и казенная хлѣбъ-соль такъ и останется не отплаченной. Не то бывало въ старину. Военному человѣку было гдѣ показать свою удаль: что ни годъ, то война, да еще какая война—съ самыми первостепенными государствами. Круглый годъ маневры, и все съ боевыми патронами. Ходятъ это, бывало, наши солдаты изъ государства въ государство, въ одномъ побьютъ францу-

зовъ, въ другомъ—нѣмцевъ; не успѣли замириться съ этими, смотришь, ужъ опять война; враги становятся союзниками и общими силами напираютъ на новаго непріятеля. Да, было время, кровавое, смутное время. Не мало пришлось побиться русскому человѣку, прежде чѣмъ отвоевалъ онъ себѣ такое громадное государство, какова наша матушка — Святая Русь въ настоящее время!

Еще Императоръ Петръ I-й началъ пробивать дорожку къ морю, разбивъ на голову, подъ Полтавой, могущественное шведское войско и основавъ настоящую столицу Государства, городъ Санктъ-Петербургъ. За нимъ—Императрица Екатерина II-я, а за нею уже Императоръ Александръ I-й, со своимъ побѣдоноснымъ войскомъ и непобѣдимыми полководцами, успѣвшій побывать во всѣхъ столицахъ иностранныхъ государствъ, мало-по-малу увеличили свое Царство до громадныхъ, необъятныхъ размѣровъ.

Суворовскіе чудо-богатыри, орлами летавшіе черезъ Альпы, не умерли со смертью своего славнаго вождя и учителя. Закаленные въ походахъ и бояхъ, они продолжали, въ царствованіе Александра I-го, удивлять міръ своею храбростью, а примѣромъ—укрѣплять и поддерживать молодыя войска. Съ каждой новой войной—войско крѣпло, духъ его возвышался и имя Россіи грозно гремѣло по всему міру. Враги завидовали этому могуществу и всѣми силами старались ослабить его; друзья—радовались и удивлялись. Были, наконецъ, и такіе, которые, не желая быть врагами, втайнѣ тянули ихъ сторону. Къ этимъ послѣднимъ принадлежали шведы. Цѣлыхъ сто лѣтъ прошло со дня Полтавской битвы; но время не изгладило ихъ ненависти къ намъ. Они

ждали только случая, чтобы затѣять вражду съ Россіей и случай этотъ скоро представился. Англичане, ни съ того, ни съ сего, напали на дружественное намъ королевство Данію и, на глазахъ шведовъ, уничтожили весь флотъ ихъ. А какъ у насъ раньше еще было условлено со шведами оберегать, общими силами, входъ въ наше Балтійское море и не позволять иностраннымъ кораблямъ проходить въ него безъ разрѣшенія, то Императоръ Александръ I-й и предложилъ шведскому королю Густаву IV-му сообща наказать англичанъ за столь неслыханный и дерзкій поступокъ. Король хотя и не отрицалъ принятыхъ на себя обязательствъ по договорамъ, но на этотъ разъ отказался исполнить ихъ, отговариваясь тѣмъ, что уже воюетъ съ Франціей и не желалъ бы увеличивать число своихъ враговъ.

Дѣлать нечего, Россія одна рѣшилась раздѣлаться съ англичанами; но, передъ самымъ объявленіемъ войны, еще разъ напомнила шведскому королю его обязательства. Разсчитывая на долготерпѣніе Императора, шведы оттягивали рѣшительный отвѣтъ, а между тѣмъ, по слухамъ, уже завязали дружбу съ англичанами и, гдѣ возможно, помогали имъ и портили намъ.

Убѣдившись изъ этого окончательно, что шведы не желаютъ помогать намъ въ борьбѣ съ англичанами и тѣмъ самымъ нарушаютъ существовавшіе договоры, Императоръ Александръ I-й повелѣлъ вступить въ предѣлы Финляндіи, принадлежавшей тогда еще Швеціи.

9-го февраля 1808 года, 24-хъ-тысячный русскій отрядъ, подъ начальствомъ главнокомандующаго, графа

Буксгевдена, перешелъ финляндскую границу. Неожидавшіе такихъ скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ со стороны русскихъ, шведы были разбросаны по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ и, на первыхъ порахъ, не могли оказать намъ сильнаго сопротивленія, а потому предпочитали медленно отступать вглубь страны, ограничиваясь пока мелкими стычками съ нашими передовыми войсками.

Лишь только вѣсть о вступленіи русскихъ войскъ въ Финляндію дошла до шведскаго короля, какъ, въ отвѣтъ на это, онъ приказалъ тотчасъ же арестовать нашего посланника и опечатать всѣ находившіеся при немъ бумаги. Этотъ, въ высшей степени дерзкій поступокъ, подлилъ масла въ разгоравшійся огонь. Русскій Императоръ, до послѣдней минуты надѣявшійся уладить дѣло миромъ, увидѣлъ теперь, что, при такихъ обстоятельствахъ, это невозможно, и 16-го марта объявилъ войну шведамъ, а черезъ 4 дня приказалъ всю принадлежавшую имъ Финляндію присоединить къ своимъ владѣніямъ.

Такимъ-то образомъ состоялось присоединеніе Финляндіи къ Россіи и шведскій король сразу очутился въ войнѣ съ Россіей, Пруссіей, Франціей и Даніей.

Первоначальныя силы ихъ состояли изъ 50,000 шведскаго войска и 14,000 англичанъ. Но, какъ уже сказано, эти значительныя силы были разбросаны по городамъ и селамъ и, не принимая рѣшительныхъ сраженій, отступали вглубь страны, нерѣдко такъ поспѣшно, что цѣлые громадные склады провіанта, боевыхъ запасовъ и даже оружія попадали въ наши руки.

Зима стояла въ полномъ разгарѣ. Трескучіе, 25-тиградусные морозы, глубокій снѣгъ и скалистая мѣстность значительно затрудняли наше наступленіе, а недружелюбіе мѣстныхъ жителей, подчинявшихся только силѣ, лишало возможности продовольствовать войска на мѣстѣ. Поэтому, громадные транспорты тащились за наступающими колоннами, растягиваясь на переправахъ, застрявая въ горныхъ ущельяхъ, и тѣмъ еще болѣе затрудняя движеніе.

Между тѣмъ, желаніе Государя было, какъ можно скорѣе покончить съ этой войной, разразившейся такъ некстати и въ такое время, когда на другомъ концѣ государства уже шла война съ турками, и цѣлый рядъ предыдущихъ войнъ, значительно ослабившій наши силы, подавалъ надежду бывшимъ врагамъ сломить, наконецъ, могущество Россіи. Знаменитый полководецъ и императоръ французовъ Наполеонъ I-й, сражавшійся въ настоящее время со шведами, какъ-бы за одно съ нами, могъ, когда угодно, повернуть свои войска противъ насъ и тѣмъ поставить Россію въ весьма затруднительное положеніе.

Предчувствуя все это, мы, весьма понятно, торопились избавиться отъ шведовъ; но въ то же время сознавали, что этого нельзя достигнуть ранѣе окончательнаго пораженія ихъ арміи и занятія столицы государства — города *Стокгольма*.

Задача предстояла трудная, тѣмъ болѣе, что шведское войско, съ давнихъ временъ, отличалось неустрашимостью и стойкостью въ борьбѣ со врагомъ и еще Петромъ Великимъ названо «нашимъ учителемъ въ военномъ дѣлѣ».

Недалеко отъ Петербурга начинается *Балтійское море*. Если плыть по немъ отъ нашей столицы на

западъ, то налѣво будемъ видѣть русскій берегъ, направо—финскій. Подвигаясь далѣе, замѣтимъ, что море

все расширяется, берега пропадаютъ изъ вида и черезъ нѣсколько дней, переплывъ море поперегъ, очутимся въ Швеціи. Здѣсь, у самаго берега, стоитъ и столица Швеціи — городъ Стокгольмъ. Повернувъ, затѣмъ, направо, войдемъ въ широкій заливъ Балтійскаго моря, называемый *Ботническимъ*. Этотъ заливъ отдѣляетъ Финляндію отъ Швеціи и, слѣдовательно, чтобы попасть изъ одной страны въ другую, нужно или переплыть заливъ, или, дождавшись зимы, когда заливъ замерзнетъ, перейти его по льду. Есть другой путь, сухопутный, вокругъ залива, но онъ, сравнительно съ первымъ, гораздо длиннѣе и неудобнѣе.

До разсказываемой войны, Швеція и Финляндія составляли одно государство, подвластное шведскому королю. Теперь же, нашимъ войскамъ, занявшимъ уже одно изъ нихъ, нужно было поскорѣе пробраться въ другое, гдѣ находилась столица, и занять и ее. Лучше всего, конечно, можно было сдѣлать зимой, перейдя заливъ по льду; но пока мы двигались по Финляндіи, задерживаемые на каждомъ шагу снѣгами и морозами, время подходило къ веснѣ. Ледъ на заливѣ долженъ былъ скоро тронуться, а вмѣстѣ съ нимъ ожидалось появленіе англійскихъ кораблей. При такихъ обстоятельствахъ мы не могли рискнуть перейти заливъ съ тѣми силами, которыми располагали въ это время, ибо, вслѣдъ за нашимъ переходомъ, англійскіе корабли отрѣзали бы намъ путь отступленія и лишили возможности получать подкрѣпленія, необходимыя для успѣшной борьбы въ странѣ, гдѣ каждый житель брался за оружіе для защиты своего отечества. Удобное время было пропущено. Война затягивалась. Между тѣмъ, безпрерывное

отступленіе непріятеля по Финляндіи не могло продолжаться долго, ибо, чѣмъ ближе онъ подходилъ къ своей странѣ, тѣмъ дѣлался сильнѣе, получая постоянныя подкрѣпленія, мы же съ каждымъ днемъ слабѣли, растягивая свои войска въ погонѣ за нимъ и оставляя въ занятыхъ городахъ гарнизоны. Въ виду этого, пришлось на время совсѣмъ пріостановить наступленіе и ограничиться пока обороной занятыхъ позицій. Наступилъ апрѣль. Разрозненный въ началѣ войны, непріятель теперь сосредоточилъ свои силы и скоро, дѣйствительно, перешелъ въ наступленіе.

Извѣстно, что военное счастіе перемѣнчиво и побѣда не всегда зависитъ отъ храбрости войскъ. «Сила солому ломитъ»,—говоритъ пословица, и хотя храбрость нашей арміи осталась та же, какова была во времена Суворовскихъ походовъ, тѣмъ не менѣе, пришлось уступить многочисленному непріятелю. Небольшіе отряды наши, окруженные со всѣхъ сторонъ въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ—атакуемые втрое сильнѣйшимъ противникомъ,—послѣ кровавыхъ стычекъ, принуждены были очищать позиціи и отходить къ главнымъ силамъ. Непріятель торжествовалъ. Незначительныя побѣды, одержанныя имъ въ стычкахъ съ нашими войсками, расписывались какъ полное пораженіе всей Русской арміи и еще болѣе придавали ему бодрости. Служились молебны; города украшались флагами. Нѣкоторые мечтали уже объ окончательномъ изгнаніи нашихъ войскъ изъ Финляндіи и видѣли уже свои войска чуть не у воротъ Петербурга.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда наступившая весна бурными потоками погнала съ горъ снѣга

въ долины; ледъ на озерахъ треснулъ и вся страна обратилась въ непроходимое болото. Военныя дѣйствія прекратились, и непріятель, и мы остались на занятыхъ позиціяхъ. Воспользовавшись этой остановкой, мы поспѣшили усилить свои войска новыми десятью тысячами, присланными изъ Россіи, и стали ожидать конца таянія снѣговъ и наступившаго половодья.

Однако, весна, пріостановившая военныя дѣйствія на сушѣ, не помѣшала имъ разгораться на морѣ. На очистившейся отъ льда поверхности его начали уже появляться шведскіе и англійскіе корабли. Число ихъ ежедневно росло, а цѣлью дѣйствія были многочисленные острова Балтійскаго моря, занятые, еще въ началѣ войны, нашими небольшими отрядами. На бѣду нашу, случилось такъ, что часть моря, обращенная къ непріятелю, раньше очистилась отъ льда, чѣмъ та, которая лежала за нами и отдѣляла отъ своихъ портовъ. Поэтому, наши корабли, при всемъ желаніи, не могли прійти на помощь защитникамъ острововъ и, пробившись напрасно въ сплошныхъ массахъ взломавшагося льда, возвращались обратно. Убѣдившись въ такомъ преимуществѣ своихъ силъ на морѣ, непріятель спѣшилъ воспользоваться имъ. Подъ прикрытіемъ пальбы изъ громадныхъ корабельныхъ орудій, войска его высаживались на берегъ и завязывали неравный, но упорный бой. Защитники острововъ геройски отстаивали каждый клокъ занятой земли, умирая подъ дружнымъ натискомъ сильнѣйшаго противника, или же, переплывая съ острова на островъ, для поддержанія сосѣдей. Скоро, однако, большинство острововъ перешло въ руки непріятеля, а вмѣстѣ съ ними и часть нашихъ вои-

новъ, уцѣлѣвшихъ, такъ или иначе, послѣ кровавыхъ стычекъ. И на морѣ, какъ и на сушѣ, побѣда осталась за шведами.

Въ то время, какъ все это происходило на морѣ, послѣдніе остатки снѣговъ исчезли подъ теплыми лучами весенняго солнца; дороги, мало-по-малу, начали просыхать и явилась возможность возобновить военныя дѣйствія. Но и теперь, какъ и прежде, счастье, видимо, повернулось къ намъ спиной. Лишь только прогремѣли первые выстрѣлы, возвѣстившіе возобновленіе войны, какъ по всей Финляндіи вспыхнулъ бунтъ. Доселѣ мирные, жители, подстрекаемые разными лицами, побросали свои поля и взялись за оружіе. Началась народная война. Отдѣльныя партіи этихъ добровольныхъ воиновъ бродили изъ конца въ конецъ, разрушая переправы, перехватывая курьеровъ, сжигая запасы и набирая все новыя и новыя толпы. Число враговъ росло съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, росли и наши затрудненія въ борьбѣ съ ними. Кто не слыхалъ о народной войнѣ, тотъ не знаетъ, какихъ усилій требуетъ она для своего подавленія, и въ какомъ положеніи находится войско, застигнутое этой войной! Непріятель вездѣ. Каждый крестьянинъ, мирно сидѣвшій до сего времени у себя на печи, теперь хватается за оружіе; если нѣтъ его, беретъ вилы, топоръ, грабли, выжидаетъ случая, чтобы напасть на безоружнаго, или слабѣйшаго; одной спичкой уничтожаетъ цѣлые громадные запасы, рубитъ мосты, портитъ воду и нѣтъ силъ справиться съ нимъ, не захвативъ на мѣстѣ преступленія, ибо онъ всегда можетъ назваться мирнымъ жителемъ и тѣмъ избавиться отъ заслужен-

наго наказанія. Такъ вотъ, въ какомъ положеніи очутились мы вслѣдъ за возобновленіемъ военныхъ дѣйствій. При такихъ обстоятельствахъ нельзя было и думать двинуться впередъ. Приходилось ограничиться обороной, да облегченіемъ своихъ сообщеній съ Россіей, чтобы не очутиться окруженными со всѣхъ сторонъ и не умереть съ голоду среди взбунтовавшагося населенія. Положеніе было, по истинѣ, тяжелое. Но духъ русскаго войска не смутился имъ. Оно твердо вѣрило въ свою силу и въ то, что, рано или поздно, настанутъ лучшія времена; слава русскаго оружія не затмится временной неудачей, а лишь больше заблеститъ, выйдя, въ концѣ концовъ, побѣдительницей при такихъ трудныхъ, необыкновенныхъ обстоятельствахъ. Это сознаніе своей силы, своей несокрушимости и вмѣстѣ вѣра въ Бога и любовь къ Государю и Отечеству, не позволяли падать духомъ. День проходилъ за днемъ. Горы и долины, мало-по-малу, одѣлись въ свои лѣтніе наряды; солнце начинало уже чувствительно пригрѣвать, отражаясь въ зеркальной поверхности озеръ; невылазная грязь смѣнилась пылью, а дѣла наши на сушѣ оставались въ томъ же положеніи: ни впередъ, ни назадъ.

Воспользуемся этимъ и посмотримъ, что дѣлалось на морѣ съ приближеніемъ лѣта.

Непріятель, какъ мы видѣли, началъ сосредоточивать свои морскія силы тотчасъ по вскрытіи льда, такъ что теперь располагалъ уже значительнымъ числомъ кораблей—большихъ и малыхъ, сильныхъ и слабыхъ, составившихъ порядочный флотъ. Мы тоже не были на морѣ такъ слабы, какъ въ началѣ войны, когда

непрерывные льды мѣшали намъ выйдти въ открытое море. Теперь, пробираясь межъ острововъ и узкихъ заливовъ, суда наши скоро наткнулись на непріятеля. Произошелъ рядъ морскихъ сраженій, большинство которыхъ счастливо окончилось для насъ и несчастливо для непріятеля. Нужно замѣтить, что въ то время корабли были не то, что нынѣшніе. Все больше—деревянные; о броненосцахъ и понятія не имѣли, пароходы составляли рѣдкость; суда ходили подъ парусами, да на веслахъ. Завидѣвъ непріятеля, выстраивались въ рядъ и отстрѣливались, или же сами переходили въ наступленіе.

Вотъ, для примѣра, какой былъ, однажды, случай: Одинъ нашъ небольшой катеръ, по прозванію «Опытъ», случайно наскочилъ на пятидесяти-пушечный англійскій корабль. Видя, что бой предстоитъ неравный, командиръ катера, капит.-лейт. *Невельской* хотѣлъ избѣжать его и, посадивъ команду на весла, быстро началъ удаляться. Англійскій корабль тоже прибавилъ ходу и, какъ ни бились гребцы, началъ нагонять катеръ и, вотъ-вотъ, былъ готовъ налетѣть на него. Отчаянный капитанъ Невельской, сознавая, что лучше погубить судно, чѣмъ отдать его во власть непріятеля, въ одну минуту рѣшился на послѣднее средство и приказалъ гребцамъ держать судно на видиѣвшуюся не вдалекѣ мель, чтобы сокрушить его о камни. Но въ это мгновеніе, изъ нависшаго надъ судномъ облака, разразился сильнѣйшій шквалъ (буря), вода закружилась въ бѣшеномъ вихрѣ, всколыхнулись разъяренныя волны, и бѣдное судно, истерзанное, съ поломанными мачтами и порванными парусами, повалилось на бокъ. Черезъ нѣсколько

минутъ, команда, однако, оправилась и съ новыми силами ударила веслами, чтобы избѣжать англійскаго корабля, успѣвшаго уже подойти на пушечный выстрѣлъ. Новый шквалъ, окончательно растрепавшій корабль, не позволилъ этого сдѣлать и вся команда стала у пушекъ, приготовляясь къ оборонѣ.

— Флагъ долой! — крикнулъ кто-то по русски съ англійскаго корабля.

Въ отвѣтъ на это, неустрашимые моряки выпалили изъ пушекъ и 7 бомбъ полетѣли въ непріятеля. Англичане, никакъ не ожидавшіе, что истерзанное бурей, слабое судно будетъ еще защищаться, а не сдастся добровольно, сдѣлали тоже и, когда разсѣялся дымъ, то, къ удивленію своему, замѣтили, что храбрый противникъ все еще продолжаетъ обороняться, не смотря на причиненное разрушеніе. Вторичный залпъ, вскорѣ послѣдовавшій за первымъ, докончилъ разрушеніе: въ нижней части судна показалась течь, а на палубѣ валялись 5 опрокинутыхъ пушекъ, 2 убитыхъ матроса и 10 раненыхъ. Межъ ними лежалъ, истекая кровью, съ оторванной осколкомъ бревна челюстью, неустрашимый командиръ, капитанъ-лейтенантъ Невельской.

— Прощайте, братцы! Спасибо вамъ! — успѣлъ крикнуть онъ своей преданной командѣ и тутъ же лишился чувствъ.

Дальнѣйшая защита была не мыслима. Судно осталось безъ командира, безъ пушекъ и скоро на немъ появился англійскій лейтенантъ.

Лишенный возможности говорить, Невельской знаками объяснилъ лейтенанту, что сдается ему, и уже вынулъ свою саблю для передачи побѣдителю.

— Я не могу принять ее,—возразилъ лейтенантъ-англичанинъ, — ибо эта честь принадлежитъ моему командиру.

Вскорѣ за симъ подошедшія лодки перевезли на корабль раненыхъ и остальныхъ матросовъ.

Оправившись немного, Невельской снова предложилъ свою шпагу и на этотъ разъ уже самому командиру англійскаго корабля.

— Въ знакъ уваженія къ вашей храбрости, я оставляю ее при васъ,—отвѣчалъ командиръ,—и сдѣлаю все возможное, чтобы сохранить жизнь такому преданному своему отечеству и долгу воину.

И дѣйствительно. Съ первыхъ же часовъ своего пребыванія на непріятельскомъ кораблѣ, Невельской и его бывшіе подчиненные были окружены всевозможными заботами, но при всемъ этомъ, рана его не заживала. Неудобства судовой жизни, частыя бури, качки мѣшали выздоровленію раненыхъ. Убѣдившись въ этомъ и испробовавъ всѣ средства, англичане предложили русскимъ плѣнникамъ отправиться въ Россію. Раненымъ—для леченія, а здоровымъ—въ обмѣнъ на своихъ. Случай къ этому скоро представился. Одно купеческое судно забрало всѣхъ русскихъ и скоро высадило ихъ на берега отечества. Вѣсть о прибытіи на родину неустрашимыхъ моряковъ быстро разнеслась по окрестнымъ городамъ и селамъ, а когда о семъ узналъ Императоръ Александръ I-й, то повелѣлъ не только всѣхъ ихъ освободить отъ суда и слѣдствія, но и наградить по заслугамъ. Капитанъ-лейтенанта Невельскаго уволить въ отпускъ, съ сохраненіемъ содержанія, впредь до выздоровленія и, кромѣ того, вы-

дать ему 3,000 рублей изъ собственной шкатулки Государя. Прочіе офицеры получили не взачетъ годовое жалованье, а нижнимъ чинамъ былъ убавленъ срокъ службы; наиболѣе отличившимся пожалованъ знакъ отличія Военнаго ордена и всѣ они были размѣщены на судахъ при загородныхъ Императорскихъ дворцахъ.

II.

Куортанское сраженіе.

Былъ августъ. Листья на деревьяхъ начинали золотиться; утренники тонкимъ ледянымъ слоемъ подергивали лужи, бѣлымъ инеемъ ложились на травѣ и деревьяхъ. Непроглядные сѣдые туманы собирались на вершинахъ горъ. Перепадали мелкіе, холодные дожди, и время, видимо, шло къ осени.

Неудачамъ, постигшимъ насъ въ теченіи всей прошлой весны, суждено было, наконецъ, прекратиться и вся слава этого благопріятнаго для насъ поворота, принадлежитъ графу *Каменскому*, присланному Императоромъ изъ Петербурга въ дѣйствующую армію. Имя графа Каменскаго, еще очень молодого, но чрезвычайно рѣшительнаго полководца, извѣстно было въ войскахъ со времени Суворовскаго перехода черезъ Альпы и сраженія на Чертовомъ мосту. Уже тогда молодой графъ обращалъ на себя вниманіе и подавалъ надежды сдѣлаться впослѣдствіи достойнымъ своего великаго учителя.

Въ тяжелую минуту пришлось графу начинать свою дѣятельность на поляхъ Финляндіи; но, какъ мы

вскорѣ увидимъ, это не помѣшало ему выдти со славой изо всѣхъ затрудненій и «утвердить побѣду за знаменами Императора Александра».

Принявъ начальство надъ однимъ изъ отрядовъ, графъ Каменскій немедленно двинулъ его на непріятеля, расположившагося у озера *Куортанскаго*. Здѣсь произошла первая рѣшительная битва, имѣвшая для насъ самыя благопріятныя послѣдствія.

Шведы, въ количествѣ 7,000 войска, при 30-ти орудіяхъ и громадной толпы вооруженныхъ крестьянъ, занимали укрѣпленную позицію у названнаго озера, причемъ правымъ своимъ флангомъ упирались въ озеро, лѣвымъ—въ лѣсъ, а передъ фронтомъ имѣли непроходимое болото.

Къ ночи, 19-го августа, графъ Каменскій началъ сосредоточивать свои войска для атаки этой позиціи. Въ его распоряженіи было также до 7,000 войска. При равенствѣ силъ, шведы, однако, имѣли передъ нами то преимущество, что стояли въ укрѣпленіяхъ и за болотами; мы же принуждены были двигаться черезъ болота, засѣки и груды камней, наваленныхъ здѣсь частью—случайно, частью же и самимъ непріятелемъ. Правый ихъ флангъ, прикрытый озеромъ, былъ совершенно неприступенъ, а потому приходилось дѣйствовать противъ лѣваго.

Съ этою цѣлью, подъ прикрытіемъ ночи, раздѣленныя на нѣсколько отрядовъ, войска заняли назначенныя имъ мѣста, съ которыхъ, съ наступленіемъ утра, должны были двинуться въ атаку. Труднѣйшая часть атаки выпала на долю правой колонны: на 23-й 26-й Егерскіе полки, Бѣломорскій полкъ, баталіонъ

Великолуцкаго и 3-ю роту Азовскаго. Начальникомъ колонны былъ генералъ Раевскій.

Для облегченія атаки былъ также посланъ небольшой отрядъ въ тылъ; кругомъ озера и на правомъ флангѣ возведены батареи.

Окончивъ всѣ предварительныя работы и передвиженія, войска съ нетерпѣніемъ стали ожидать наступленія утра.

Безсонная ночь тянулась невыносимо долго. Каждый воинъ, начиная отъ генерала и кончая рядовымъ, сознавалъ всю важность грядущаго дня и мысленно переносился въ недалекое будущее, стараясь угадать, что ожидаетъ его: побѣда или пораженіе, смерть или слава. Продолжительное бездѣйствіе успѣло накопить въ душѣ массу злобы противъ непріятеля, такъ долго и такъ упорно сопротивлявшагося намъ. Излить эту злобу, отмстить врагу—стало общимъ желаніемъ. Не удивительно послѣ этого, что ни болота, ни пули и штыки, ни камни не казались страшными при томъ ожесточеніи, съ которымъ войска наши рвались сразиться со шведами.

Въ 10 часовъ утра, 20-го августа, отрядъ Раевскаго двинулся въ путь. Дорога шла густымъ лѣсомъ, пересѣченнымъ по всѣмъ направленіямъ глубокими оврагами, водомоинами, усѣяннымъ громадными гранитными валами. Чуть замѣтныя тропинки, по которымъ тянулись войска, неожиданно обрывались на краю пропасти, или же тянулись въ вязкомъ болотѣ Пробираясь сквозь густую чащу деревьевъ, перепрыгивая водомоины, обходя болота и камни, отрядъ, въ 4 часа времени, едва успѣлъ сдѣлать какихъ-нибудь

5 верстъ, а когда вышелъ на дорогу, по которой предполагалось вести атаку, то нашелъ ее перегороженной засѣками и заваленой каменьями. По обѣимъ сторонамъ разстилалось болото.

Дѣлать нечего,— приходилось избрать этотъ путь. Но лишь только голова колонны показалась на опушкѣ, какъ была встрѣчена пулями и картечью изъ укрѣпленій. Наши остановились. Въ это время, шведы, построившись за укрѣпленіями, вышли изъ нихъ и сами устремились на насъ въ атаку. Завязался штыковый бой. Звонъ оружія, глухіе удары прикладовъ, стоны, крики быстро слились въ одинъ общій гулъ. Бой, то— усиливается въ одномъ мѣстѣ, то — ослабѣваетъ въ другомъ. Разгоряченные бойцы лѣзутъ другъ на друга, натыкаются на камни, вязнутъ въ болотѣ и снова лѣзутъ. Трупы убитыхъ перемѣшались. Рядомъ съ русскимъ егеремъ, растянувшимся на мокрой землѣ во весь свой ростъ, лежитъ шведъ, проколотый штыкомъ; въ сторонѣ кучка санитаровъ суетится надъ ранеными, спѣша унести ихъ... повсюду кровь, смерть, стоны. «Ура!» — крикнули на одномъ изъ фланговъ. Какъ искра пролетѣло оно по полю битвы, ободряя сражающихся. Дружно ударили наши на дрогнувшаго непріятеля, смяли его и нестройной толпой погнали къ укрѣпленіямъ. Зарвавшіеся въ преслѣдованіи принуждены были, однако, скоро отступить, ибо непріятель, замѣтивъ пораженіе своего передоваго отряда, началъ усиливаться свѣжими войсками. Было около 3-хъ часовъ пополудни. Только что окончившаяся рукопашная схватка двухъ передовыхъ отрядовъ положила начало главному сраженію. Графъ Каменскій, наблюдав-

шій все время за ходомъ этого боя, распорядился немедленно усилить нашихъ частью пѣхоты и кавалеріи. Первою прибыла кавалерія, промчавшись маршъ-маршемъ, по одному, по узкой тропинкѣ, обстрѣливаемой сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ; за нею подошла и пѣхота. Отрядъ приготовился къ новой атакѣ. Съ барабаннымъ боемъ, съ распущенными знаменами двинулись полки на непріятеля. Громъ пушекъ заглушалъ музыку, пороховой дымъ застилалъ укрѣпленія, бомбы и пули бороздили воздухъ. Полки шли не останавливаясь. Уже многихъ храбрецовъ недосчитывались они въ своихъ рядахъ, когда внезапный порывъ вѣтра разорвалъ пороховое облако и стройные ряды наступавшаго непріятеля показались за нимъ. Обѣ стороны, какъ львы, бросились въ атаку другъ на друга. Долго ни та и ни другая не уступали. Поле сраженія быстро покрылось трупами, лошади безъ сѣдоковъ носились въ разныя стороны, раненые ползли, со стонами, на перевязочные пункты. Наконецъ, наши опрокинули шведовъ и снова вогнали ихъ въ укрѣпленія. Наступившая затѣмъ ночь прекратила сраженіе. Непріятель, хотя остался на занимаемыхъ имъ позиціяхъ, но потерпѣлъ на столько сильное пораженіе, что не рѣшился удерживать ихъ долѣе и утро слѣдующаго дня уже не застало его въ укрѣпленіяхъ: онъ поспѣшно отступалъ вглубь страны.

Такъ кончился знаменитый день Куортанскаго сраженія. Герой его, графъ Каменскій, одной рѣшительной побѣдой достигъ того, чего мы такъ долго не могли достигнуть ни ласками, ни угрозами. Народное волненіе въ странѣ начало, мало-по-малу, утихать, воору-

женныя толпы жителей расходились по домамъ; вѣсть о пораженіи быстро облетѣла весь край, распространяя повсемѣстный упадокъ духа.

Съ этихъ поръ начинается непрерывное преслѣдованіе. Непріятель, пользуясь каждой выгодной позиціей, задерживался на нихъ, уничтожалъ переправы и дѣлалъ все возможное, чтобы остановить насъ. Наступившая осень, а затѣмъ и лютая зима помогали ему въ этомъ, а насъ обрекали на цѣлый рядъ новыхъ страданій и лишеній. Раскисшія дороги, недостатокъ подводъ затрудняли подвозъ провіанта и заставляли насъ голодать по цѣлымъ недѣлямъ. Болота и полузамерзшія рѣки преграждали путь. Рѣдкія, разрушенныя селенія лишали теплаго ночлега. Приходилось переправляться вбродъ, по поясъ въ водѣ, или же по сдва замерзшему льду. Ноги коченѣли отъ холода, головы горѣли, потъ лилъ градомъ съ лица. Ночи, проведенныя на бивуакахъ, сначала въ невылазной грязи, подъ дождемъ, затѣмъ—въ снѣгу, въ мятель и вьюгу,— на морозѣ; продолжительные переходы днемъ, нерѣдко съ сраженіями и на голодный желудокъ—все, вмѣстѣ взятое, было, по истинѣ, неодолимо для кого угодно, но только не для Русскаго солдата, перенесшаго всѣ незгоды съ замѣчательнымъ мужествомъ и спокойствіемъ. Не только простой рядовой и офицеры, но и высшіе начальники были лишены самаго необходимаго во все время этого многотруднаго похода по опустошенной и непривѣтливой странѣ.

Видя такое упорное преслѣдованіе, которое не въ силахъ были задержать никакія препятствія, непріятель заговорилъ о перемиріи, т. е. о временной пріі-

остановкѣ военныхъ дѣйствій. Графъ Каменскій согласился на предложеніе, но съ условіемъ, чтобы вся Финляндія была окончательно очищена отъ непріятельскихъ войскъ въ назначенный срокъ. Шведы не противорѣчили и, такимъ образомъ, было укрѣплено за нами то, что еще въ началѣ войны мы объявили своимъ, т. е. вся Финляндія присоединилась къ Русскому государству, какъ страна завоеванная.

— Мы завоевали Финляндію, сохраните ее!—сказалъ, при прощаніи съ войсками, графъ Каменскій, уѣзжавшій вскорѣ послѣ заключенія перемирія въ Петербургъ, для поправленія своего разстроеннаго здоровья.

Говоря: «мы завоевали Финляндію», графъ Каменскій не хвастался. Ему одному обязаны мы этимъ великимъ пріобрѣтеніемъ; его неустрашимости, распорядительности, умѣнью обращаться съ подчиненными, поднимать въ нихъ духъ, поддерживать бодрость и веселье. Ласковый и любящій человѣкъ, неумолимо строгій начальникъ въ дѣлахъ службы, храбрый воинъ въ бояхъ, онъ совмѣстилъ въ себѣ всѣ качества великаго полководца, заслужившія ему любовь подчиненныхъ и вѣчную благодарность Отечества.

III.

Переходъ русскихъ войскъ черезъ Ботническій заливъ по льду.

Занятіемъ Финляндіи и изгнаніемъ шведскихъ войскъ изъ предѣловъ ея закончился 1808 годъ и наступилъ 1809 годъ. Шведская армія была побѣждена,

но не уничтожена. Она готовилась дать намъ послѣдній отпоръ на поляхъ своей родины. Временное перемиріе приходило къ концу, но ни что не указывало на скорое заключеніе настоящаго, прочнаго мира. Король Густавъ, почитая свое дѣло правымъ, рѣшилъ, повидимому, сражаться до послѣдней возможности, до полнаго истощенія своихъ силъ. Это обстоятельство понуждало и насъ не довольствоваться добытыми успѣхами, а двигаться далѣе, въ самую Швецію, къ столицѣ ея—городу Стокгольму. Только тогда, полагали мы, возможно будетъ заключить миръ и сломить упорство Короля. Императоръ Александръ I-й, сначала войны мечтавшій о перенесеніи ея съ береговъ Финляндіи на берега Швеціи, теперь настойчиво требовалъ этого.

Предпріятіе было рѣшительное и смѣлое. Передъ нами разстилалось необъятное ледяное пространство Ботническаго залива. Суровая зима стояла въ полномъ разгарѣ. Предстояло побороть эти препятствія, перейти на другой берегъ и очутиться въ виду вражеской столицы.

Главнокомандующій, графъ Буксгевденъ, утомленный трудами утомительной войны, уѣхалъ въ Петербургъ и мѣсто его заступилъ новый,—ген. Кноррингъ.

Генералъ Кноррингъ быстро принялся за приведеніе въ исполненіе задуманнаго плана. Предполагалось двинуть въ Швецію одновременно три корпуса:

I-й—князя Багратіона (20,000 человѣкъ), изъ города Або, черезъ Аландскіе острова, по льду;

II-й—Барклая-де-Толли (5,000 человѣкъ), изъ города Вазы, по льду, черезъ проливъ Кваркенъ;

III-й—графа Шувалова (5,000 человѣкъ), сухимъ путемъ, въ обходъ Ботническаго залива.

Эти три корпуса, по переходѣ на тотъ берегъ, должны были соединиться и всѣми силами двинуться къ Стокгольму.

Въ то время, когда въ дѣйствующей арміи шли усиленныя приготовленія къ походу, изъ Петербурга пріѣхалъ военный министръ, графъ Аракчеевъ, чтобы скорѣе покончить ихъ подъ личнымъ наблюденіемъ. Трудность предстоящаго перехода пугала тогда многихъ и рѣдко кто изъ начальниковъ могъ поручиться за вполнѣ благопріятный исходъ его. Недостатокъ продовольствія, теплой одежды, сильные морозы и глубокіе снѣга были достаточной причиной такой неувѣренности и только сознаніе, что этого желаетъ Государь, заставляло забывать всѣ предстоящіе ужасы и, съ надеждой на Бога, поспѣшить исполнить священное желаніе.

Когда графъ Аракчеевъ, желая узнать мнѣніе князя Багратіона насчетъ предстоящаго перехода, обратился къ нему съ вопросомъ: разсчитываетъ-ли онъ благополучно достигнуть шведскаго берега? Онъ коротко и ясно отвѣтилъ: «Прикажите—пойдемъ!»—показавъ, такимъ образомъ, что для Русскаго воина нѣтъ ничего невозможнаго, если начальникъ прикажетъ.

Между тѣмъ, какъ русскіе корпуса готовились перешагнуть ледяное море, отдѣлявшее ихъ отъ непріятеля, по ту сторону его, въ Швеціи, происходили другаго рода событія. Изнеможенный продолжительной, непосильной борьбой, народъ самъ искренно желалъ мира съ Россіей. Бѣдствія, обрушившіеся на его голову, день

ото дня увеличивались; поля стояли необработанными, за недостаткомъ рабочихъ рукъ; деньги уходили на военныя надобности, количество войскъ уменьшалось, враги грозили государству со всѣхъ сторонъ, болѣзни и голодъ уносили сотни жертвъ. Только миръ могъ ослабить до нѣкоторой степени всѣ эти бѣдствія, а его-то и не предвидѣлось. Король не внималъ мольбамъ своего народа и съ непонятной настойчивостью продолжалъ вести губительную войну. Узнавъ о нашемъ намѣреніи двинуться къ Аландскимъ островамъ, онъ приказалъ находившемуся тамъ генералу Дебельну, съ 6,000 войска, удерживать ихъ до послѣдней возможности, разсчитывая тѣмъ затянуть время и помѣшать исполненію нашего плана до наступленія весны и вскрытія льда.

Генералъ Дебельнъ, получивъ такое приказаніе, прибѣгнулъ къ жестокимъ мѣрамъ. Первымъ его распоряженіемъ было—выселить всѣхъ жителей изъ селеній, лежавшихъ на ближайшихъ къ намъ островахъ и сжечь эти селенія до тла; вторымъ — укрѣпить главный большой островъ.

Тысячи подводъ съ разнымъ добромъ и толпы жителей потянулись изъ покинутыхъ селеній, боязливо озираясь назадъ, гдѣ пламя пожара пощадно уже пожирало родныя, насиженныя гнѣзда.

Благодаря этой крутой мѣрѣ, громадное пространство, въ 140 верстъ длиною, обратилось въ пустыню и только груды пепла, да высокіе хребты церквей, пощаженныхъ пожаромъ, обозначали мѣста прежнихъ селеній. Поступая такимъ образомъ, шведскій полководецъ разсчитывалъ лишить насъ теплаго пріюта по

пути слѣдованія и тѣмъ остановить наше наступленіе. Скоро мы увидимъ, оправдались-ли его ожиданія, или нѣтъ, а теперь перейдемъ къ дѣйствіямъ отряда князя Багратіона.

Дѣйствія отряда князя Багратіона.

Свѣдѣнія обо всемъ, происходившемъ на Аландѣ, не успѣли еще дойти до насъ, когда отряду князя Багратіона приказано было выступить.

26-го февраля отрядъ выступилъ изъ города Або. Солдаты были въ полушубкахъ, теплыхъ фуражкахъ и валенкахъ. Множество саней съ припасами, водкой и дровами слѣдовали за ними. Черезъ два дня выѣхали военный министръ и главнокомандующій.

Началось знаменитое странствованіе по ледяной пустынѣ. Кавалерія шла впереди, за нею—пѣхота, среди которой была и часть гвардіи. Холодная, но тихая погода благопріятствовала переходу. Весело, бодро тянулись колонны по залитой солнцемъ снѣжной равнинѣ. Словно громадныя змѣи, извивались они межъ скалистыхъ острововъ, блестя на солнцѣ своею стальной чешуей. Опустошенная мѣстность оживилась, но слѣды громаднаго пожарища были замѣтны повсюду. Груды пепла черными пятнами выдѣлялись на бѣломъ снѣгу; кое-гдѣ дымились еще догоравшіе остатки. Въ воздухѣ пахло гарью. Чуя близкую добычу, цѣлыя стаи хищныхъ птицъ кружились надъ головами. То—обгоняя отрядъ, то—отставая отъ него, слѣдуютъ эти неугомонные спутники, и только ночь избавляла отъ непрошенныхъ провожатыхъ.

На ночь, отрядъ располагался бивуакомъ, обыкновенно, прямо на льду. Солдаты окапывались снѣгомъ, чтобы предохранить себя отъ рѣзкаго ночнаго вѣтра; пылали костры; неумолкаемый смѣхъ и говоръ слышался далеко за полночь. Подсмѣивались надъ товарищами, вспоминали прошлое, гадали о будущемъ, пока, наконецъ, усталость не брала свое и глубокій сонъ водворялъ тишину и спокойствіе. На утро, опять движеніе, опять необозримая снѣжная равнина, опять стаи хищниковъ. Снѣгъ хруститъ подъ ногами, скрипятъ полозья, яркое солнце играетъ на штыкахъ...

Достигнувъ одного изъ острововъ, съ котораго должно уже было начаться боевое наступленіе на непріятеля, князь Багратіонъ раздѣлилъ свой отрядъ на 5 отдѣльныхъ колоннъ.

Одни изъ нихъ должны были слѣдовать съ фронта, другія—заходить въ тылъ, чтобы отрѣзать непріятелю путь отступленія на Стокгольмъ.

3-го марта, кавалерія наша наткнулась на непріятельскіе передовые посты. Произошла стычка, окончившаяся тѣмъ, что посты отступили къ главному острову, на которомъ находились всѣ ихъ силы, разсчитывая на немъ дать намъ рѣшительный отпоръ.

Провидѣніе рѣшило, однако, иначе. Въ то врѣмя, какъ они приготовлялись къ оборонѣ, въ столицѣ ихъ произошелъ важный переворотъ. Неудовольствіе народа достигло крайнихъ предѣловъ и скоро перешло въ открытый бунтъ. Король былъ свергнутъ съ престола и замѣненъ новымъ правителемъ. Такимъ образомъ, было устранено главное препятствіе къ заключенію мира съ Россіей. Новое правительство спѣ-

шило удовлетворить желаніе народа и положить конецъ всѣмъ его бѣдствіямъ.

Узнавъ объ этомъ 4-го марта, генералъ Дебельнъ оставилъ мысль объ оборонѣ острововъ и немедленно послалъ одного изъ своихъ офицеровъ къ нашему главнокомандующему, чтобы сообщить ему о происшедшемъ и просить заключить перемиріе. Самъ же съ войсками приготовился къ отступленію на родину. Когда посланный встрѣтилъ князя Багратіона и передалъ ему предложеніе генерала Дебельна, князь отправилъ его дальше, къ главнокомандующему, для переговоровъ, а самъ ускорилъ свое наступленіе, полагая, что все это есть только предлогъ къ затягиванію военныхъ дѣйствій. Вскорѣ, однако, на встрѣчу ему попался самъ генералъ Дебельнъ и еще разъ подтвердилъ справедливость своихъ словъ. Но и это не помогло: князь Багратіонъ продолжалъ свое побѣдоносное шествіе. Не встрѣчая первое время нигдѣ отступавшаго непріятеля, мы принуждены были ограничиться забираніемъ покинутыхъ имъ обозовъ, боевыхъ припасовъ и орудій, и не прошло и недѣли со дня выступленія изъ города Або, какъ уже большая часть Аландскихъ острововъ была занята нашими войсками.

Между тѣмъ, въ главной квартирѣ, гдѣ находились военный министръ и главнокомандующій, и куда прибылъ шведскій генералъ, шли переговоры о перемиріи. Шведы просили дать возможность ихъ войскамъ свободно отступить съ Аландскихъ острововъ на родину, чтобы наши войска пріостановили свое преслѣдованіе и не появлялись на томъ берегу, обѣщая за это согласиться на самыя выгодныя условія мира. Мы же, опа-

саясь, что остатки войскъ Дебельна будутъ помѣхой при заключеніи мира, настаивали на томъ, чтобы эти войска, вмѣстѣ съ генераломъ, положили оружіе и сдались намъ военноплѣнными. Генералъ Дебельнъ никакъ не ожидалъ такого предложенія, ужасно разсердился и, какъ храбрый воинъ, рѣшился лучше защищаться до послѣдней крайности, чѣмъ отдаться живымъ въ наши руки. Съ этимъ намѣреніемъ онъ и уѣхалъ изъ главной квартиры. Перемиріе не состоялось. Движеніе наше продолжалось, непріятель безостановочно отступалъ.

Два раза русская кавалерія настигала непріятельскій арріергардъ, атаковывала его и забирала плѣнныхъ. Однажды, даже отбила знамя. Сначала дѣйствія происходили на большомъ островѣ, затѣмъ перешли на ледъ. Дебельнъ зажегъ запасы, свои суда и лодки, замерзшія въ гаваняхъ острова; но, за поспѣшностью отступленія, огонь не успѣвалъ истреблять всего. Настигавшая кавалерія тушила и забирала все въ свои руки.

Густыя колонны непріятеля потянулись по льду. Обозы и артиллерія шли въ серединѣ, пѣхота—по бокамъ, прикрывая ихъ. Отступленіе главныхъ силъ было образцовое, въ полномъ порядкѣ. Казаки наши налетали на нихъ, стараясь разстроить и отбить обозы и артиллерію, но эти попытки оканчивались ничѣмъ. По прежнему, продолжалъ страдать только одинъ арріергардъ.

Разъ,—дѣло было къ вечеру,—налетѣли мы на одну изъ заднихъ колоннъ. Завязалась перестрѣлка. Спустившееся къ горизонту, солнце косыми лучами освѣщало снѣжную равнину; морозъ крѣпчалъ, кони терпѣливо били копытами снѣгъ. Непріятель, отстрѣливаясь,

продолжалъ отходить. Вдругъ, наша кавалерія стремительно бросилась на него, обскакала сзади и съ боковъ и въ одну минуту окружила со всѣхъ сторонъ. Часть успѣла разбѣжаться, часть осталась на мѣстѣ убитыми и ранеными; большинство же, 144 человѣка и 2 орудія, попали въ плѣнъ. Отправивъ добычу назадъ, кавалерія продолжала движеніе и скоро снова настигла другую непріятельскую колонну. Это былъ цѣлый баталіонъ пѣхоты. Баталіонный командиръ, желая остановить натискъ кавалеріи, построился въ боевой порядокъ и приготовился къ оборонѣ, забывая, что, чѣмъ дольше онъ оставался на одномъ мѣстѣ, тѣмъ больше дѣлалось разстояніе межъ нимъ и главными силами. Воспользовавшись этой оплошностью храбраго командира, кавалерія наша, какъ и раньше, ударила на него со всѣхъ сторонъ. Сопротивляться было невозможно. Баталіонъ цѣликомъ (442 нижнихъ чина и 14 офицеровъ) попалъ въ наши руки.

На утро, все видимое пространство моря было покрыто брошенными фурами, патронными ящиками, ружьями и снарядами: шведы отступили.

Не смотря на отступленіе непріятеля и готовность его подписать миръ, Государь продолжалъ настаивать на движеніи нашихъ войскъ къ Стокгольму, чтобы дать возможность этимъ войскамъ побывать въ столицѣ, и ко многимъ столицамъ, падшимъ передъ Его оружіемъ, прибавить еще одну.

Цѣль была великая; но, къ сожалѣнію, время, подходившее уже къ веснѣ, не позволило достигнуть ее со всѣмъ отрядомъ и заставляло ограничиться посылкой впередъ одной кавалеріи. Расчитывали такъ, что

кавалерія успѣетъ, до вскрытія льда, побывать на шведскомъ берегу, напугать, какъ слѣдуетъ, непріятеля и вовремя вернуться обратно, чего никакъ не могла сдѣлать пѣхота.

Рѣшивъ, такимъ образомъ, хотя отчасти исполнить завѣтное желаніе Государя, главнокомандующій приказалъ кавалеріи отряда князя Багратіона, подъ начальствомъ Кульнева, двигаться далѣе, черезъ Ботническій заливъ, а пѣхотѣ остановиться на Аландскихъ островахъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній.

Въ ночь съ 6-го на 7-е марта, кавалерія Кульнева (5 сотенъ казаковъ и 3 эскадрона Гродненскихъ гусаръ) расположилась на отдыхъ на небольшомъ островкѣ, у полуразвалившихся рыбачьихъ хижинъ. Здѣсь Кульневъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Богъ съ нами! Я передъ вами; князь Багратіонъ за вами. Въ полночь, въ два часа, собраться у мельницы. Походъ до шведскихъ береговъ вѣнчаетъ всѣ труды наши. Сіи волны—истинная награда, честь и слава безсмертная! Имѣть съ собою по двѣ чарки водки на человѣка, кусокъ мяса и хлѣба и по два гарица овса. Море не страшно тому, кто уповаетъ на Бога. Отдыхайте, товарищи!»

До непріятельскаго берега оставалось верстъ 30. За три часа до разсвѣта, поднялся отрядъ и двинулся въ путь. Обширная ледяная пустыня безпредѣльно уходила въ стороны, сливаясь вдали съ темнымъ небосклономъ. Звѣзды еще свѣтились въ небѣ и слабымъ отблескомъ освѣщали дорогу, проходившую по застывшимъ волнамъ, по которымъ, еще такъ недавно, скользили корабли и развѣвались англійскіе и шведскіе

флаги, а теперь осторожно пробирался русскій отрядъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, громадныя льдины нагромождались другъ на друга и образовали цѣлыя скалы. Въ утреннемъ полумракѣ, громады эти казались какими-то гигантами. Лошади фыркали и настороживали уши, всадники боязливо озирались по сторонамъ. Мертвая тишина царствовала вокругъ и даже копи осторожно ступали по неровной поверхности, боясь нарушить безмолвіе снѣжной пустыни. Убаюканные мѣрнымъ движеніемъ лошадей, нѣкоторые казаки дремали, покачиваясь на своихъ сѣдлахъ, другіе шепотомъ переговаривались между собой, или же курили трубки. Разсвѣтало. Изъ окружающей тьмы, мало-по-малу, выступали различные предметы. Дорога, усѣянная брошенными фурами, поломанными лафетами и всевозможной рухлядью, означавшей недавнее пребываніе здѣсь непріятеля, становилась замѣтнѣй; лошади и всадники оживали. Скоро впереди затянули пѣсню. Кончала одна сотня, начинала другая. Бородатыя лица казаковъ смотрѣли весело, глаза искрились радостью, губы складывались въ улыбку. Рѣдкій случай показать свою удаль, видимо, радовалъ всѣхъ, а довѣріе къ любимому начальнику, заранѣе заставляло надѣяться на успѣхъ. Не на кровавый бой, не на смерть шли эти удальцы,—они шли, какъ на пиръ, завоевывать себѣ безсмертную славу!

Къ полудню, скалистый берегъ Швеціи показался вдали. Дружнымъ, долго несмолкаемымъ «ура», привѣтствовали казаки его появленіе. Межъ тѣмъ, стоявшіе по этому берегу непріятельскіе пикеты также замѣтили наше приближеніе. Не вѣря своимъ глазамъ, пикеты дали знать о замѣченномъ своимъ офицерамъ.

Скоро весь берегъ покрылся зрителями. Сомнѣніе было невозможно: блестѣвшія на солнцѣ, казачьи пики прямо направлялись къ берегу.

Убѣдившись такимъ образомъ, что приближающіеся были—русскіе, шведы торопливо спустились съ берега и заняли позицію на льду, въ верстѣ отъ него. Кульневъ тоже началъ выстраивать свой отрядъ: впереди разсыпалъ цѣпь казаковъ, за нею, въ двѣ линіи, поставилъ сомкнутыя части, а одну сотню отдѣлилъ въ резервъ. Непріятельскіе стрѣлки открыли огонь. Кульневъ продолжалъ двигаться. Подойдя на разстояніе, съ котораго можно было идти въ атаку, Кульневъ, съ крикомъ «съ нами Богъ!», вылетѣлъ передъ цѣпью и вся масса, какъ одинъ человѣкъ, стремительно ринулась впередъ. Засверкали сабли; нависшія пики кололи направо и налѣво, прокладывая дорогу межъ тѣсныхъ рядовъ непріятеля; дружные крики «ура» потрясали воздухъ. Натискъ былъ такъ силенъ, что непріятель не выдержалъ его. Онъ поспѣшно отступилъ къ берегу, расчитывая укрыться въ лѣсистыхъ горахъ отъ русскихъ пикъ и сабель, и оставя въ нашихъ рукахъ 86 человѣкъ плѣнныхъ. Для дальнѣйшаго наступленія, Кульневъ спѣшилъ часть своей кавалеріи и этой частью снова ударилъ на непріятеля, укрывавшагося за деревьями и каменьями. Шведы упорно отстаивали родные берега. Наши донцы, не хуже пѣхоты, карабкались по гранитнымъ скаламъ и выбивали ихъ изъ за каждаго закрытія. И на берегу, какъ и на льду, успѣхъ клонился на нашу сторону. Въ то время, какъ спѣшившіяся части дрались въ лѣсу, остальныя, длинными линіями выстраивались по льду, стараясь

придать видъ какъ бы многочисленнаго отряда, а самъ Кульневъ велъ переговоры объ уступкѣ намъ побережья, прибавляя, что вслѣдъ за нимъ, съ Аландскихъ острововъ, двигается цѣлая Русская армія. Устрашенный этимъ сообщеніемъ и тѣснимый по пятамъ казаками, непріятель сталъ отходить по дорогѣ къ Стокгольму, до котораго оставалось отсюда не болѣе 100 верстъ. Окрестные берега съ мѣстечкомъ Гриссельгамъ были заняты нами.

«Благодареніе Богу — честь и слава Россійскаго воинства на берегахъ Швеціи, — доносилъ Кульневъ князю Багратіону, — я съ войсками въ Гриссельгамѣ воспѣваю: «Тебѣ Бога хвалимъ!» На морѣ мнѣ дорога открыта и я остаюсь здѣсь до полученія вашихъ повелѣній».

Вѣсть о появленіи русскихъ войскъ на берегахъ шведскихъ, въ 100 верстахъ отъ столицы, быстро разнеслась во всѣ стороны, производя повсюду страхъ и смятеніе. Ближайшія деревни быстро пустѣли, по улицамъ Стокгольма замѣтно было необычайное движеніе. Многіе покидали свои дома и спѣшили убраться въ болѣе безопасныя мѣста. Громадные возы съ утра до ночи двигались по всѣмъ направленіямъ; на скорую руку стягивались войска, для защиты столицы, на случай нашествія иноплеменниковъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, шведское правительство спѣшило заключить миръ и тотчасъ же отправило своего уполномоченнаго для переговоровъ съ нашимъ главнокомандующимъ. Первымъ слѣдствіемъ этихъ переговоровъ было то, что русскимъ отрядамъ, перешедшимъ на шведскій берегъ, было приказано возвратиться обратно,

чтобы не раздражать напрасно непріятеля и еще разъ доказать ему наше искреннее миролюбіе. Къ тому же, начавшіе дуть южные вѣтры, грозили взломать на заливѣ ледъ и тѣмъ лишить насъ прямаго сообщенія съ своимъ берегомъ.

Во исполненіе сихъ повелѣній, Кульневъ, простоявъ еще два дня на занятой позиціи, двинулся съ отрядомъ обратно и скоро благополучно соединился съ остальными войсками.

Такимъ образомъ закончился славный переходъ Ботническаго залива по льду у Аландскихъ острововъ, стоившій намъ, не считая трудовъ и лишеній, перенесенныхъ войсками на этомъ переходѣ, 30 человѣкъ убитыми и ранеными. Эта незначительная потеря вполнѣ вознаградилась добытыми результатами: непріятель просилъ мира; 2,219 воиновъ его, при 29-ти офицерахъ, слѣдовали за отрядомъ въ качествѣ плѣнниковъ; 16 полевыхъ орудій и 16 морскихъ, 4,680 ружей, 8 лодокъ, 138 купеческихъ судовъ и множество боевыхъ припасовъ сдѣлались нашей собственностью.

Дѣйствія отряда Барклая-де-Толли.

Въ то время, какъ Кульневъ, съ своимъ небольшимъ отрядомъ, проводилъ спокойно ночь въ 30-ти верстахъ отъ шведскаго берега, отрядъ Барклай-де-Толли сосредоточивался на близь лежащихъ къ г. Вазѣ островахъ и также приготовлялся двинуться черезъ заливъ къ гор. Умео. Въ распоряженіи начальника отряда, къ этому времени, было около 3,500 человѣкъ, вмѣсто назначенныхъ 5,000. Остальные стояли по разнымъ

городамъ Финляндіи, или же находились на пути къ сборному пункту. Не смотря на это, начальникъ отряда рѣшилъ выступить, не ожидая ихъ; время было дорого. Прибывающія части могли догнать отрядъ на пути и присоединиться къ нему.

Заливъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ предстояло его перейти отряду Барклая-де-Толли, немного съуживается и образуетъ широкій,—около 100 верстъ,—проливъ, называемый *Кваркенъ*. Лѣтомъ, проливъ этотъ, усѣянный множествомъ подводныхъ скалъ и необитаемыхъ гранитныхъ острововъ, чрезвычайно опасенъ для мореплавателей, а зимой, когда все водное пространство покрывается льдомъ, не менѣе опасенъ для пѣшеходовъ: ибо глубокіе снѣга, покрывающіе ледъ, нерѣдко подъ своимъ покровомъ скрываютъ бездонныя водяныя пропасти, а бури и мятели заметаютъ всякій слѣдъ, или же, внезапно разломавъ ледъ, уносятъ его въ открытое море. Не далѣе, какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, ледъ дважды ломался отъ бури и дважды бушующія волны покрывались ровной ледяной корой. Случается, что необозримое снѣжное пространство вдругъ прерывается и передъ глазами путника разстилается широкая полынья. Горе тому, кто рѣшится испробовать счастья и двинуться зимой черезъ проливъ. Одна изъ этихъ бѣдъ ужъ навѣрно ждетъ его по дорогѣ. Не захватитъ буря, такъ попадетъ въ провалъ, а то, такъ замететъ его снѣгомъ и онъ замерзнетъ, или же погибнетъ отъ голода. Прибрежные жители хорошо знали свойства пролива, и безъ крайней нужды не отваживались переходить его и до сего времени считаютъ непроходимымъ. Наши сборы удивляли ихъ, а нѣкоторыхъ, быть мо-

жетъ, и радовало, что цѣлый отрядъ обрекалъ себя на неминуемую гибель. Въ рядахъ нашихъ войскъ, однако, помнили еще, что и Альпы считались когда-то непроходимыми, но эта молва не воспрепятствовала Суворову перейти ихъ и сдѣлаться побѣдителемъ самой природы. Такъ было и теперь, съ тою лишь разницею, что вмѣсто поднебесныхъ высей и бездонныхъ Альпійскихъ пропастей, мы видѣли передъ собой обширную ледяную пустыню, готовую ежеминутно превратиться въ бушующее море и поглотить отрядъ.

Предстоящее трудное и опасное предпріятіе возлагало громадную отвѣтственность на начальника, рѣшившагося исполнить его, а на войска — неустанную борьбу со льдами, снѣгами и морозами, а, быть можетъ, и голодомъ. Съ надеждой на помощь Божію и съ вѣрой въ собственныя силы, принялись за дѣло.

Когда всѣ предварительныя распоряженія были окончены, Барклай-де-Толли раздѣлилъ свой отрядъ на два отдѣленія. *1-е—полковника Филисова* (100 казаковъ, 2 баталіона Полоцкаго полка и 2 орудія), *2-е—генералъ-маіора Берга* (200 казаковъ и полки Лейбъ-Гренадерскій и Тульскій при 6-ти орудіяхъ). Въ ночь съ 5-го на 6-е марта, эти оба отдѣленія собрались на близлежащихъ къ Финскому берегу островахъ и немедленно отправили небольшую партію впередъ на шведскіе острова *Гольменъ* и *Гадденъ*, съ цѣлью развѣдать путь и, если возможно, захватить передовые непріятельскіе посты, чтобы они не могли дать знать на берегъ о нашемъ приближеніи. Съ разсвѣтомъ, на эти же острова, по слѣдамъ передовой партіи, должны были двинуться и оба отдѣленія отряда.

Дорога проходила черезъ необитаемый островъ *Вальсгорнъ*. Патронные ящики были уложены на дровняхъ, колеса сняты и везлись, на всякій случай, тутъ же; люди имѣли при себѣ 10-ти-дневную дачу сухарей. По прибытіи на островъ Вальсгорнъ, отрядъ оставался на немъ цѣлыя сутки, въ ожиданіи подвоза провіанта, среди самой безотрадной дикой обстановки. Кругомъ глубокіе снѣга, ни единаго признака жизни, ни куста, ни тростника. Солдатъ сначала забавляла эта непривычная дикость необитаемаго острова. Они съ любопытствомъ смотрѣли на хмурыя гранитныя скалы, шутили надъ товарищами, старавшимися взобраться на нихъ и на каждомъ шагу застрявавшими, чуть не по поясъ, въ глубокомъ снѣгу; устраивали изъ снѣга нѣчто вродѣ берлогъ, въ которыхъ намѣревались провести ночь, за неимѣніемъ чего бы то ни было лучшаго и, такимъ образомъ, коротали время. Къ ночи, почти весь отрядъ спрятался подъ снѣгомъ и, ожившая на минуту, мѣстность снова приняла свой прежній пустынный видъ. Только недогадливые, да лошади оставались подъ открытымъ небомъ, на вѣтру. 8-го марта отрядъ оставилъ непривѣтливый островъ и двинулся въ открытое море. Съ перваго же шага началась его борьба съ природой.

Свирѣпствовавшіе въ ту зиму жестокія бури, сокрушивъ ледъ, разметали его на всемъ пространствѣ пролива огромными обломками. Подобно утесамъ, возвышались они въ разныхъ направленіяхъ, то пересѣкая путь, то простираясь вдоль по дорогѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти обломки превращались въ цѣлые ледяные холмы, въ другихъ походили на внезапно замерзшія волны, въ

минуту сильнаго волненія. Солдаты карабкались по нимъ, сворачивали въ стороны, вязли въ снѣгу и, выбившись изъ силъ, ложились тутъ же въ полномъ изнеможеніи. Счастье еще, что погода стояла, хотя морозная (до 15-ти градусовъ), но тихая, и ледъ прочно сковывалъ волны. Не будь этого,—легко могло повториться то же, что случилось за два мѣсяца передъ тѣмъ и морскія пучины навсегда поглотили бы дерзкихъ храбрецовъ. Много трудовъ пришлось положить на перетаскиваніе артиллеріи. Лошади скользили на каждомъ шагу, засѣкали ноги; прислуга выбивалась изъ силъ, и, не смотря на это, пушки медленно подвигались впередъ, задерживая отрядъ и напрасно унося драгоцѣнное время. Пришлось отрядить на помощь по 200 человѣкъ рабочихъ къ каждому орудію, но и это мало помогало дѣлу. Ухватившись за толстые канаты, рабочіе дружно протаскивали орудіе нѣсколько сажень: но на первой же ледяной скалѣ силы измѣняли имъ, ноги скользили, орудіе неудержимо тянуло внизъ, движеніе останавливалось. Пробившись еще нѣсколько времени, изнеможенные, въ изрѣзанныхъ мелкими льдинами сапогахъ, съ разорванной одеждой, перетаскивали, наконецъ, орудіе черезъ препятствіе; но и это было не на радость: впереди, на всемъ видимомъ пространствѣ, тянулись такія же ледяныя волны и предстояли такія же усилія.

Убѣдившись скоро, что каждое новое препятствіе замедляетъ движеніе и силы людей тратятся напрасно въ непосильной борьбѣ, начальникъ отряда рѣшилъ оставить артиллерію на попеченіе резерва, а самъ, съ остальными войсками, продолжалъ движеніе далѣе.

Къ 6-ти часамъ вечера, 8-го марта, оба отдѣленія отряда прибыли на островъ *Гадденъ*, пройдя въ 12 часовъ 40 верстъ. Здѣсь уже была наша передовая партія, посланная, какъ мы видѣли, развѣдать путь и захватить непріятельскіе посты. Первое порученіе было исполнено ею вполнѣ, второе — только отчасти, ибо нѣсколько непріятельскихъ солдатъ успѣли бѣжать, и, достигнувъ шведскаго берега, сообщили тамъ о нашемъ появленіи вблизи него. Движеніе наше съ этой минуты было открыто и мы должны были разсчитывать встрѣтить на непріятельскомъ берегу обороняющія его войска.

Островъ Гадденъ, какъ и островъ Вальсгорнъ, былъ совершенно пустыненъ. Напрасно войска старались отыскать на немъ какой-нибудь признакъ человѣческаго жилья, или хоть полѣно дровъ, чтобы отогрѣть окоченѣвшіе члены. Дикія скалы и глубокій снѣгъ— вотъ все, что могъ предложить непривѣтливый островъ для ночлега. Дѣлать нечего. Опять въ ходъ пошли лопаты, опять весь отрядъ, какъ медвѣди, запрятался въ берлоги и, пожевавъ сухихъ сухарей, погрузился въ глубокій сонъ. Изнеможеніе, послѣ труднаго перехода, было полное. Ни костровъ, ни пѣсенъ, ни веселыхъ прибаутокъ,—этихъ обычныхъ спутниковъ нашего солдата въ его походной жизни,—не было. Спустившаяся ночь, словно черной пеленой, окутала островъ и отдыхавшій на немъ отрядъ. Только въ одномъ мѣстѣ, между сдвинутыхъ саней, теплится тщедушный кострикъ и слабо освѣщаетъ небольшой кружокъ. То—начальникъ отряда со своимъ штабомъ и командирами отдѣленій, совѣщается о дальнѣйшемъ движеніи.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В.И. ЛЕНИНА

Большіе, умные глаза его, сквозь заиндивѣвшія рѣсницы и щурясь отъ дыма, вопросительно смотрятъ на окружающихъ, въ то время, какъ одинъ изъ нихъ роется въ разложенной тутъ же, на снѣгу, картѣ, и силится разсмотрѣть на ней какое-то названіе, а другой окоченѣвшими руками записываетъ карандашемъ приказаніе.

— Такъ какъ Шведы извѣщены уже о нашемъ движеніи,—говоритъ начальникъ отряда,—то мы должны идти на нихъ какъ можно скорѣе, чтобы не дать имъ возможности собрать войска и приготовиться къ оборонѣ. Чѣмъ быстрѣй мы это сдѣлаемъ, тѣмъ легче достигнемъ цѣли. Время напрасно терять нечего, завтра же въ путь. Въ полночь отрядъ долженъ выступить. 1-е отдѣленіе его пойдетъ на островъ *Гольменъ* и, вытѣснивъ оттуда непріятеля, будетъ продолжать движеніе на городъ Умео, гдѣ присоединится ко 2-му отдѣленію и, одновременно съ нимъ, атакуетъ его съ сѣверной стороны. 2-е отдѣленіе, при которомъ я буду самъ, прямо отсюда двинется на Умео и атакуетъ съ южной стороны.

Выслушавъ это приказаніе, собравшіеся тутъ же расположились на ночлегъ; а на другой день, 9-го марта, ровно въ полночь, отряды снова потянулись по морю и разошлись въ разныя стороны, по назначеннымъ направленіямъ.

Еще до разсвѣта, 2-е отдѣленіе, вмѣстѣ съ начальникомъ отряда, успѣло подойти къ непріятельскому берегу и расположилось въ устьѣ рѣки, на которой стоитъ городъ Умео. За недостаткомъ дровъ, солдатамъ было разрѣшено разобрать стоявшіе тутъ, во льду, два

купеческіе корабля и развести костры. Ужъ одно это было великой наградой за всѣ, понесенныя въ пути, труды и лишенія, о которыхъ Барклай-де-Толли такъ доносилъ главнокомандующему:

«Переходъ былъ напзатруднительнѣйшій. Солдаты шли по глубокому снѣгу, часто выше колѣна, и сколько ни старались придти заблаговременно, но будучи на маршѣ 18 часовъ, люди такъ устали, что на устьѣ рѣки принуждены были бивуакировать. Непріятельскіе аванпосты стояли въ виду нашемъ. Понесенные въ семъ переходѣ труды, единственно Русскому преодолѣть только можно».

Къ этому времени, 1-е отдѣленіе также подходило къ острову *Гольменъ* и, найдя его дѣйствительно занятымъ непріятелемъ, атаковало. Засѣвшій въ лѣсу, за окопами изъ снѣга, непріятель встрѣтилъ насъ сильнѣйшимъ огнемъ и отбилъ первое нападеніе. Тогда Филисовъ послалъ въ обходъ двѣ роты егерей и эта мѣра скоро возымѣла желанное дѣйствіе: непріятель, опасаясь быть отрѣзаннымъ, отступилъ спачала отъ оконовъ, а затѣмъ и совершенно очистилъ островъ. Наши преслѣдовали, отбили 36 человѣкъ плѣнныхъ и, къ вечеру, соединились со 2-мъ отдѣленіемъ, чтобы на утро, общими силами, атаковать городъ.

Между тѣмъ, въ самомъ городѣ спѣшно приготовлялись къ оборонѣ. Считая проливъ Кваркенъ непроходимымъ, Шведы стояли какъ на мирномъ положеніи. Войска были распущены по домамъ, никакихъ приспособленій къ оборонѣ не дѣлалось. Только теперь, извѣстившись наканунѣ о нашемъ приближеніи, они начали собирать войска, но при всемъ стараніи, не могли

набрать болѣе 1,000 человѣкъ. Сила, какъ мы видимъ, недостаточная для серьезной обороны. Непріятель самъ отлично сознавалъ это, и это сознаніе увеличивалось еще увѣренностью, что Русскія войска не даромъ рискнули перейти Кваркенъ, не даромъ потратили столько силъ и ужъ навѣрно захотятъ вознаградить себя, за перенесенные труды, славной побѣдой на берегахъ Швеціи.

И дѣйствительно. Выбравшись изъ снѣга, въ которомъ вязли двое сутокъ, на твердую землю, казаки и стрѣлки радостно двинулись къ городу. Уже передовыя части ихъ появились въ окрестностяхъ города и приготовились броситься на врага, когда на встрѣчу имъ, вмѣсто ожидаемыхъ войскъ, выѣхалъ непріятельскій переговорщикъ и объявилъ, что главный начальникъ войскъ, собранныхъ въ Умео, не желаетъ драться съ Русскими и предлагаетъ заключить перемиріе. Ему отвѣчали, что движеніе наше ни въ какомъ случаѣ не будетъ остановлено, а если непріятель рѣшилъ, дѣйствительно, не вступать съ нами въ дѣло, то пусть выйдетъ для переговоровъ самъ старшій начальникъ.

Пока шли эти переговоры, казаки и стрѣлки быстро подвигались къ городу и почти у самаго входа въ него Барклай-де-Толли встрѣтился съ непріятельскимъ начальникомъ.

Начались переговоры. Движеніе пріостановилось. Результатомъ этихъ переговоровъ было то, что Шведы согласились уступить намъ городъ со всѣми находившимися въ его магазинахъ припасами, сами отходили вглубь страны и военныя дѣйствія на время прекращались.

Это было 10-го марта. За три дня передъ этимъ, т. е. 7-го, какъ мы знаемъ, Кульневъ вступилъ въ Гриссельгамъ и начались переговоры о заключеніи окончательнаго мира. Вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій, генералъ Кноррингъ, тогда же послалъ Барклай-де-Толли приказаніе возвратиться изъ города Умео обратно въ Финляндію. Къ описываемому дню приказаніе получено еще не было, и потому Барклай-де-Толли, въ тотъ же день, торжественно вступилъ въ городъ, найдя въ его магазинахъ около 1,600 пудовъ разнаго провіанта, 4 пушки, до 3,000 ружей и массу аммуниціи и боевыхъ запасовъ.

Разсчитывая простоять здѣсь довольно долгое время и желая обезпечить себя продовольствіемъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, Барклай-де-Толли снарядилъ небольшой отрядъ и отправилъ его забирать по окрестностямъ магазины и транспорты. Только 12-го марта пришло приказаніе главнокомандующаго объ обратномъ движеніи въ Финляндію. Простоявъ еще три дня, чтобы дать возможность хорошенько отдохнуть войскамъ, Барклай-де-Толли покинулъ городъ Умео. Кратковременное пребываніе въ семъ непріятельскомъ городѣ оставило въ жителяхъ самое пріятное воспоминаніе о Русскихъ войскахъ. Ни одной жалобы на притѣсненія, или обиду не было слышно. Самъ губернаторъ съ депутатами отъ дворянства и купечества выѣхалъ провожать побѣдоносное войско и, со слезами на глазахъ, благодарилъ начальника отряда за примѣрный порядокъ, который соблюдался въ городѣ во все время пребыванія Русскихъ.

Обратный походъ черезъ Кваркенъ былъ легче, чѣмъ

первый, ибо за отрядомъ ѣхали 120 обывательскихъ подводъ, на которыя солдаты могли складывать свои вещи, а больные и усталые и садиться.

Изъ всего описаннаго мы видимъ, что переходъ черезъ проливъ Кваркенъ знаменитъ не кровопролитными стычками, не лихими набѣгами, а знаменитъ тѣми опасностями, которыя грозили отряду, и неустанной борьбой съ природой. Только Русскія войска, какъ выразился Барклай-де-Толли, могли совершить его.

Слушая теперь разсказы объ этихъ славныхъ подвигахъ былыхъ временъ, не знаешь, чему болѣе удивляться: храбрости-ли и мужеству совершившихъ ихъ, или же той беззавѣтной покорности, съ которою переносились всѣ невзгоды.

Помимо невообразимыхъ трудовъ и грозившихъ на каждомъ шагу опасностей, отрядъ много терпѣлъ отъ морозовъ, и его незначительныя силы положительно таяли съ каждымъ переходомъ. Разгоряченные дневной работой, вспотѣвшіе, люди проводили ночь въ снѣгу, подъ открытымъ небомъ и просыпались съ отмороженными членами, или же засыпали на вѣки непробуднымъ сномъ. Такихъ поморозившихся было привезено на шведскій берегъ около 200 человѣкъ.

Чего же достигли мы этимъ переходомъ? — спроситъ кто-нибудь. Пришли, постояли и назадъ ушли. Достигли очень многаго. Своимъ кратковременнымъ пребываніемъ на шведскомъ берегу, отрядъ Барклая-де-Толли значительно облегчилъ дѣйствія третьяго отряда, графа Шувалова, который шелъ въ обходъ залива и о которомъ подробно узнаемъ въ слѣдующей главѣ.

III.

Дѣйствія отряда графа Шувалова.

III-й корпусъ, графа Шувалова, назначенъ былъ, какъ мы видѣли, также для дѣйствія въ Швеціи и слѣдовалъ въ обходъ Ботническаго залива.

Заключенное графомъ Каменскимъ, осенью, перемиріе, а затѣмъ наступившая зима, прекратили военныя дѣйствія на сѣверѣ Финляндіи и съ той поры въ этой части театра войны настало полное затишье. Наши запасались продовольствіемъ и, по возможности, отдыхали отъ трудовъ осенняго похода; непріятель стоялъ по селеніямъ, готовый встрѣтить насъ съ оружіемъ въ рукахъ и преградить дальнѣйшее наступленіе.

Перемиріе было безсрочное; но каждая сторона обязывалась за нѣсколько дней предупредить другую о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Время шло. Осень смѣнилась зимой. Графъ Каменскій давно уѣхалъ въ Петербургъ, пожинать лавры одержанныхъ имъ побѣдъ; мѣсто его заступилъ графъ Шуваловъ; противники стояли другъ передъ другомъ, не двигаясь съ мѣста и выжидая приказаній. Въ такомъ положеніи застало ихъ Высочайшее повелѣніе графу Шувалову о приготовленіяхъ къ движенію въ Швецію. «Никакія извиненія не будутъ приняты въ уваженіе и всѣ препятствія должны вы преодолѣть. Такова воля Государя Императора»,—писалъ военный министръ корпусному командиру.

Мигомъ закипѣла работа. Начались усиленныя приготовленія. Подвозился провіантъ, боевые при-

пасы; изъ окрестностей стягивались войска. Дороги покрывались обозами, пѣшіе и конные спѣшили на сборные пункты. Извѣщенный своевременно о нашемъ намѣреніи, непріятель также сталъ стягивать свои войска и приготовляться къ оборонѣ. По первому взгляду, предстоящій путь представлялъ менѣе опасности и препятствій, чѣмъ первые два, по которымъ шли отряды Багратіона и Барклая-де-Толли; но это было только по первому взгляду. Въ дѣйствительности же, путь пролегалъ по совершенно дикой странѣ, мало чѣмъ разнящейся отъ необозримыхъ морскихъ льдовъ, и если тутъ не встрѣчались опасные провалы и широкія полыньи, за то свирѣпствовали морозы и непроходимыя лѣсныя дебри разстилались направо и налѣво.

Собравъ отрядъ въ 4,000 человѣкъ, графъ Шуваловъ, 6-го марта, выступилъ въ походъ двумя дорогами: часть отряда слѣдовала берегомъ, другая по льду залива, стараясь обходить непріятеля съ фланга.

Зима стояла лютая. Трескучій морозъ захватывалъ дыханіе, ноги коченѣли отъ холода, руки отказывались дѣйствовать. Глубокіе снѣга, словно бѣлая скатерть, раскинулись на необозримое пространство. Кое-гдѣ встрѣчается жалкая деревушка, или громадный столѣтній лѣсъ высоко поднимаетъ свои, посѣдѣвшія отъ инея, вершины. Ежась отъ нестерпимаго холода, подскакивая съ ноги на ногу, двинжатся полки по снѣжному полю. У нѣкоторыхъ солдатъ, за плечами, длинныя деревянныя лыжи, розданныя для предохраненія отъ проваловъ въ снѣгу. Два-три молодца нацѣпили ихъ на ноги. Съ крикомъ и смѣхомъ пустились на

перегонку, на потѣху всему отряду. «Валяй! валяй! вотъ такъ, молодчина! Ловко дѣйствуетъ!» — слышались одобрительные возгласы въ то время, когда кто-нибудь изъ нихъ обгоняетъ другого.

Запыхавшись, раскраснѣвшіеся, присоединялись бѣгуны къ отряду и, закинувъ лыжи за плечи, продолжали движеніе вмѣстѣ съ нимъ.

Такимъ образомъ, въ первый же день, не смотря на жестокій морозъ, корпусъ графа Шувалова достигъ города Торнео, гдѣ еще утромъ находился непріятельскій авангардъ, а теперь оставались одни больные и немощные. Заслышавъ о нашемъ движеніи и опасаясь обхода съ залива, авангардъ поспѣшно отступилъ отъ гор. Торнео верстъ за 35 и занялъ тамъ позицію.

— Спасибо вамъ, братцы, за перенесенные труды, — говорилъ графъ Шуваловъ, пропуская мимо себя измученныя переходомъ войска.—Ни стужа, ни снѣгъ не остановили васъ и, я увѣренъ, что, не оставь непріятель самъ городъ, вы съ боя заняли-бы его. Отдыхайте, а завтра снова въ путь.

— Рады стараться, ваше сіятельство! — гремѣло въ рядахъ войскъ въ отвѣтъ на это.

— Ну, ужъ выдался денекъ!—разсуждали, затѣмъ межъ собой солдаты, устраиваясь въ тѣсныхъ, но теплыхъ помѣщеніяхъ города.

Усталость и изнеможеніе въ особенности были замѣтны въ той части войскъ, которая шла заливомъ, по льду. На ея долю пришлось пройдти около 50-ти верстъ по невозможной дорогѣ, то — утопая по поясъ въ снѣгу, то — натыкаясь на ледяныя скалы, то — обходя громадныя полыньи. Не смотря на это, за

отрядомъ не было видно ни отсталыхъ, ни слабыхъ. Онъ въ полномъ порядкѣ вступилъ въ городъ, побоpовъ, со славою, всѣ встрѣчавшіеся на пути препятствія.

Лишь только начало свѣтать, какъ опустѣвшія во время ночи городскія улицы снова наполнились народомъ; захрустѣлъ подъ ногами снѣгъ, завизжали полозья и отрядъ снова выступилъ въ походъ, для неутомимаго преслѣдованія непріятеля.

Какъ и вчера, часть войскъ шла заливомъ, другая— берегомъ. Какъ и вчера, необозримая снѣжная равнина разстилалась передъ глазами; жестокій морозъ ледянилъ кровь и немилосердно щипалъ носъ и уши. Одно спасеніе было въ быстромъ и безостановочномъ движеніи; но лишь только отрядъ останавливался хотя на нѣсколько минутъ для отдыха, или же замедлялъ движеніе — руки и ноги мерзли, дрожь пробѣгала по всему тѣлу. Еще пять, десять лишнихъ минутъ — и нѣсколько человѣкъ не въ силахъ будутъ двигаться за отрядомъ, поморозивъ руки и ноги.

Въ виду этого, отрядъ, почти безъ остановокъ, продолжалъ быстро подвигаться впередъ и, дѣйствительно, въ 35-ти верстахъ отъ города, достигъ желаемой цѣли, т. е. натолкнулся на непріятеля. Разсыпали цѣпь. Завязалась перестрѣлка. Но, по причинѣ жестокаго мороза, перестрѣлка шла медленно. Сдѣлавъ 2—3 выстрѣла, солдаты отогрѣвали руки своимъ дыханіемъ, или же немилосерднымъ хлопаньемъ ихъ другъ о друга; сами зарывались въ снѣгъ; но все это мало помогало дѣлу. Тогдашнія ружья, заряжаемыя съ дула, и безъ того дѣйствовали мѣшкотно, а при 30-ти гра-

дусахъ мороза, окоченѣвшими руками, еще труднѣе было съ ними справляться. Оставалось, слѣдовательно, надѣяться на штыкъ, помня знаменитыя слова Суворова, что: «пуля—дура, а штыкъ—молодецъ», и имъ порѣшить дѣло.

Межъ тѣмъ, непріятель продолжалъ отстрѣливаться. Выстрѣлы гулко раздавались въ морозномъ воздухѣ; пули, съ шипѣніемъ и свистомъ, бороздили снѣгъ, зарывались въ немъ, ложились въ цѣпи, или же, перелетая ее, неслись далѣе, въ резервы.

Графъ Шуваловъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія другой своей колонны, шедшей заливомъ, — въ тылу непріятеля, чтобы, совмѣстно съ ней, броситься въ атаку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, переговорами старался склонить непріятеля къ сдачѣ, увѣряя, что, рано или поздно, онъ все равно будетъ разбитъ и своимъ дальнѣйшимъ сопротивленіемъ, только напрасно затягиваетъ время. Непріятель, не подозрѣвавшій обхода, отвѣчалъ сначала рѣшительнымъ отказомъ. Скоро, однако, вѣсть объ обходѣ, а затѣмъ и о появленіи нашихъ войскъ въ Умео, сломили его упорство. Видя себя отрѣзаннымъ отъ прямаго сообщенія съ родиной, тѣснимый неустанно съ фронта, непріятель рѣшилъ сдаться и, не смотря на свое значительное численное превосходство, положилъ оружіе. Кромѣ описанныхъ причинъ, голодъ, холодъ и страшныя болѣзни, развившіеся въ его войскахъ за послѣднее время, дѣлали положеніе непріятеля, поистинѣ, отчаяннымъ, а дальнѣйшее сопротивленіе невозможнымъ.

«Ура!», «ура!», несмолкаемое «ура» гремѣло въ корпусѣ ликующаго побѣдителя, когда 7,000 непрія-

теля при 12-ти знаменахъ и 22-хъ орудіяхъ торжественно клали оружіе и отдавали себя въ полное наше распоряженіе!

Съ легкимъ сердцемъ и съ сознаніемъ исполненнаго долга, отрядъ расположился на занятой позиціи, расчитывая провести на ней ночь, а на утро двинуться обратно къ городу Торнео, для болѣе продолжительнаго отдыха.

Этимъ пока закончились непродолжительныя, но доблестныя, дѣйствія корпуса графа Шувалова на сѣверѣ Финляндіи. Далѣе мы увидимъ, что побѣда эта не была еще окончательной и что на долю славнаго корпуса выпало не мало другихъ, блестящихъ и рѣшительныхъ дѣлъ, прежде чѣмъ кончилась война и, увѣнчанныя безсмертной славой, войска возвратились на родину. Теперь же оглянемся назадъ и посмотримъ, что происходило во вновь завоеванной странѣ.

13-го марта, громадный Царскій поѣздъ двинулся изъ Петербурга въ Финляндію. Императоръ Александръ I-й желая лично видѣть страну и окончательно закрѣпить ее за своею Державой, во главѣ блестящей свиты въѣзжалъ въ завоеванные города при громѣ пушекъ и восторженныхъ крикахъ собравшихся войскъ и народа Тріумфальныя арки, воздвигнутыя при въѣздѣ въ нѣкоторые изъ нихъ, были покрыты всевозможными надписями, восхвалявшими достоинство Императора. Однѣ изъ нихъ гласили о Его всѣмъ извѣстномъ милосердіи, другія превозносили справедливость, третьи, какъ напримѣръ, въ городѣ Выборгѣ, прямо говорили: «Его оружіе завладѣло краемъ, а кротость Его покорила сердца»...

Первымъ дѣломъ Императора было: привесть къ присягѣ новыхъ подданныхъ и наградить свое доблестное воинство. Больше всего имѣли право на Царскую милость, конечно, войска, перешедшія Ботническій заливъ и ихъ отважные командиры. Государь Императоръ, признавая вполнѣ за ними громадную заслугу Отечеству, соизволилъ пожаловать: князя Багратіона и Барклай-де-Толли—въ полные генералы, графа Шувалова—въ генералъ-лейтенанты, Кульневу далъ орденъ св. Анны 1-й степени; всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ на коренной Шведской землѣ,—по два рубля, остальнымъ по рублю и, кромѣ того, особую, на этотъ случай выбитую, серебряную медаль, для ношенія въ петлицѣ на голубой лентѣ.

Монаршей милостью заключилось опасное предпріятіе. Русскіе войска, поборовъ природу, по льдамъ морскимъ достигли непріятельскаго берега, разбили и на половину уничтожили его силы, навели общій страхъ на мирныхъ жителей и проникли-бы еще дальше, если бы не приказаніе главнокомандующаго, остановившее ихъ побѣдоносное шествіе.

Въ ожиданіи новыхъ распоряженій и новыхъ дѣйствій корпуса расположились: князя Багратіона—на Аландскихъ островахъ, Барклай-де-Толли — въ городѣ Вазѣ, графа Шувалова—въ городѣ Торнео.

Не долго, однако, пришлось отдыхать этимъ корпусамъ. Императоръ Александръ I-й, желая скорѣе добиться отъ шведовъ заключенія окончательнаго и почетнаго для Россіи мира, прервалъ временное перемиріе и снова двинулъ свои войска на опасные подвиги въ борьбѣ съ природой и непріятелемъ. На сей разъ

вся тяжесть предстоящаго похода должна была лечь на корпусъ графа Шувалова, усиленный частью людей двухъ другихъ корпусовъ. Только передъ нимъ открывался свободный путь въ Швецію сухимъ путемъ, въ то время, какъ другіе были отдѣлены отъ нея заливомъ, покрытымъ непрочнымъ льдомъ, готовымъ, со дня на день, разсѣяться по морскимъ волнамъ и уступить мѣсто непріятельскимъ кораблямъ.

18-го апрѣля, простоявъ на зимнихъ квартирахъ въ гор. Торнео не много болѣе мѣсяца, пятитысячный корпусъ графа Шувалова двинулся въ Швецію, стараясь разсѣять остатки непріятеля и забирать, встрѣчающіеся на пути слѣдованія, продовольственные магазины. Снѣгъ таялъ. Широкія и глубокія рѣки, подернутыя до сего времени толстой ледяной корой, теперь обратились въ бурные потоки и стремительно неслись къ морю, разрушая переправы и преграждая намъ путь. Заливъ вздулся, въ однихъ мѣстахъ ледъ уже треснулъ, въ другихъ—покрылся обширными полыньями, на подобіе озеръ.

По слухамъ, непріятель стоялъ у мѣстечка *Шелефте*, гдѣ у него были большіе склады продовольствія. Желая выиграть время и не дать возможности непріятелю укрѣпиться, графъ Шуваловъ, усиленными маршами, прошелъ пространство, отдѣлявшее его отъ непріятеля, и 2-го мая былъ уже въ 10-ти верстахъ отъ него, расчитывая на слѣдующій же день атаковать. По осмотрѣ мѣстности, оказалось, что мѣстечко Шелефте стоитъ на широкой рѣкѣ и спереди прикрыто густымъ лѣсомъ. Для успѣха атаки, начальникъ отряда опять раздѣлилъ свои войска на двѣ части и дви-

нулъ одну изъ нихъ напрямикъ, черезъ лѣсъ, на фронтъ непріятельскаго расположенія, другую, подъ начальствомъ генерала Алексѣева, въ обходъ, по льду залива.

За ¼ часа до полуночи, 3-го мая, отрядъ Алексѣева вступилъ на ледъ Ботническаго залива. Кое-гдѣ ледъ уже отсталъ отъ береговъ и темная полоса морской воды ясно вырисовывалась на бѣломъ снѣгу отражая въ себѣ безчисленное количество звѣздъ, тускло освѣщавшихъ путь. Кое-гдѣ морская волна уже успѣла пробить ледяную кору, образовавъ черную, бездонную пучину, отъ которой невольно сторонились люди и, боязливо косясь и подергивая ушами, пятились лошади. Казалось, весь отрядъ, пускаясь въ опасный путь, сознавалъ, что поверхность, на которую онъ ступилъ, не прочна; что малѣйшая случайность, вродѣ налетѣвшей бури, или снѣжной мятели, унесетъ ее изъ подъ ногъ и открывшееся море поглотитъ его навсегда въ своихъ черныхъ, холодныхъ волнахъ. Это сознаніе незамѣтно овладѣло всѣми, начиная съ человѣка и кончая животными, и, безъ сомнѣнія, должно было отразиться на самомъ движеніи. Осторожно пробираются солдаты другъ за другомъ, стараясь, сквозь ночной мракъ, разсмотрѣть опасныя трещины и едва замѣтную тропу—единственную путеводную нить по однообразной ледяной пустынѣ. Иногда, эта тропа, вдругъ, прерывалась на краю широкой трещины, или же упиралась въ глубокую полынью и пропадала изъ вида. Отрядъ останавливался. Передніе, недоумѣвая, озирались по сторонамъ, какъ бы спрашивая: куда идти? какъ переправиться черезъ неожиданное препятствіе? Еще

человѣку пѣшему кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, т. е. окунувшись въ воду, можно рискнуть, но что дѣлать съ орудіями, съ лошадьми?!

— Эхъ! была-не-была, попытаемъ счастья! — говорили нѣкоторые смѣльчаки и, подобравъ полы шинели, быстро оказывались на другой сторонѣ. За ними слѣдовали другіе, за другими — третьи и такъ, мало-по-малу, большинство побѣждало препятствія. Конечно, не всѣ дѣлали это одинаково ловко и не всѣмъ смѣлый прыжекъ проходилъ счастливо. Кто-нибудь ужъ навѣрно попадалъ въ воду, если не двумя, то хотя одной ногой и, выбравшись, при дружномъ смѣхѣ товарищей, изъ холодной ванны, — сердитый, измокшій присоединялся къ нимъ. Не такъ легко было справиться съ орудіями. Ихъ везли за отрядомъ на саняхъ. По сторонамъ шли люди и за длинные канаты удерживали сани отъ раскатыванія и перевертыванія на ледяныхъ глыбахъ. При переправахъ черезъ трещины — настилали доски, черезъ полыньи дѣлали мостки и по нимъ тянули сани съ орудіями, причемъ, не рѣдко, людямъ приходилось идти по поясъ въ водѣ, а вылѣзши изъ нея, леденѣть на свѣжемъ вѣтрѣ, не имѣя возможности ни перемѣнить промокшую одежду, ни отогрѣться у костра.

Въ то время, какъ все описанное происходило въ колоннѣ Алексѣева, другая колонна, при которой находился самъ начальникъ отряда, пробираясь лѣсомъ, незамѣтно подошла къ непріятелю и бросилась въ атаку, стараясь, какъ можно скорѣе, овладѣть мостомъ и тѣмъ не дать возможности непріятелю разрушить его и пріостановить наше наступленіе. Произошла

свалка. Защитники геройски отстаивали переправу, но скоро принуждены были оставить ее и отступить, увозя съ собою часть провіанта изъ обширныхъ шлефтенскихъ складовъ. Отступленіе уже было полное, когда, къ довершенію своего несчастія, непріятель получилъ извѣстіе о движеніи въ тылъ колонны Алексѣева. Въ первую минуту никто не повѣрилъ этому извѣстію,— до того оно казалось несообразнымъ, и даже офицеръ, привезшій его, былъ немедленно арестованъ начальникомъ отряда, какъ распространитель невѣрныхъ слуховъ. Однако, грозная колонна приближалась. Авангардъ ея поравнялся уже съ непріятельской позиціей и хотѣлъ свернуть къ берегу; но въ это время замѣтили, что ледъ отсталъ отъ берега почти на версту и широкая водяная полоса отдѣлила нашихъ отъ непріятеля. Пришлось спуститься нѣсколько ниже, гдѣ ледъ, хотя и слабый, но еще держался, и тамъ сойти на берегъ. Промокшіе насквозь, въ обледенѣлой одеждѣ, усталые послѣ 25-ти-верстнаго перехода, начали войска наши вытягиваться на берегъ. На встрѣчу имъ, скорымъ шагомъ, шла непріятельская колонна, отдѣлившаяся отъ остальныхъ, сбитыхъ уже съ позиціи нашей первой колонной, и направленная сюда съ цѣлью пріостановить движеніе Алексѣева. Вдали виднѣлся обозъ.

Не смотря на полное изнеможеніе, безсонную ночь и перенесенные труды, молодцы наши съ мѣста бросились въ штыки, опрокинули шведовъ и преслѣдовали ихъ; какъ бы мимоходомъ, наскочили на обозъ, разбили и смели его прикрытіе, отобрали повозки и быстро докончили пораженіе, такъ славно начатое первой колонной. Послѣ такого рѣшительнаго пораженія,

непріятелю ничего болѣе не оставалось, какъ поспѣшно отступать, разрушая за собою переправы черезъ рѣки, и тѣмъ, хотя не много, задерживать наше наступленіе. Наступившая ночь заставила насъ остановиться на бивуакѣ. Въ сторонѣ, понуро повѣсивъ головы, стояли плѣнные. Ихъ было около 700 человѣкъ. 4 отбитыхъ знамени, еще утромъ развѣвавшіеся надъ непріятельскими полками, теперь неподвижно висѣли на своихъ древкахъ, а черныя дула 22-хъ орудій, такъ недавно посылавшія въ насъ смертоносные снаряды,— молчали, какъ бы вполнѣ раздѣляя щемящую тоску побѣжденнаго.

Такъ кончилось дѣло подъ Шелефте. Не кровопролитіемъ, не числомъ павшихъ въ бою жертвъ, не количествомъ добычи памятно оно намъ. Оно памятно знаменитымъ, можно даже сказать, безпримѣрнымъ движеніемъ колонны Алексѣева. Только наши славные предки могли рѣшиться ступить на морской ледъ, когда на поляхъ уже зеленѣла травка и со дня на день ожидалось вскрытіе залива. Черезъ два дня послѣ этого движенія, льда какъ не бывало. Еще слѣды ногъ ясно были видны на поверхности, когда налетѣвшая буря взломала ледъ, нагромоздила цѣлыя скалы его, разметала по берегамъ и угнала въ открытое море ближайшихъ свидѣтелей совершенныхъ нами подвиговъ...

VI.

Послѣднія битвы.

Послѣ побѣды у Шелефте, русскія войска безпрепятственно подвигались далѣе, берегомъ залива, и въ

половинѣ мая пришли въ городъ Умео, въ тотъ самый, въ которомъ $2^1/_2$ мѣсяца тому назадъ, стоялъ отрядъ Барклая-де-Толли, перешедшій черезъ Кваркенъ и затѣмъ отозванный обратно въ Финляндію.

Непріятельскихъ войскъ въ Умео уже не было; они отошли верстъ 30 назадъ и заняли сильную боевую позицію за рѣкою Эре. Правый флангъ этой позиціи упирался въ заливъ и охранялся небольшой флотиліей, лѣвый—въ непроходимыя лѣса. Первые дни стоянки нашихъ войскъ въ Умео прошли въ сборахъ и заготовленіи продовольствія. Разоренный край не могъ прокормить нашъ отрядъ: мирные жители сами бѣдствовали, и было бы несправедливо, да и не по русски, отбирать у нихъ послѣднее. Каждый день, то—сухимъ путемъ, на подводахъ, то—моремъ, на корабляхъ, подвозились изъ Финляндіи запасы. Все шло спокойно. Корабли наши приходили и уходили безпрепятственно, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, четыре непріятельскихъ военныхъ корабля и цѣлый отрядъ мелкихъ судовъ появились въ заливѣ. Положеніе наше сразу ухудшилось. Морское сообщеніе съ берегами Финляндіи прекратилось, а оставшійся еще въ нашемъ распоряженіи сухой путь въ обходъ залива, черезъ городъ Торнео, былъ очень длиненъ, изрѣзанъ рѣками и непроходимыми лѣсами, и, чтобы провести по немъ запасы, или подвезти подкрѣпленія, нужно было потратить нѣсколько недѣль, столь дорогаго на войнѣ, времени. Къ тому же, съ появленіемъ непріятельскихъ кораблей въ заливѣ, мы могли потерять и его. Стоило только шведамъ высадиться гдѣ-нибудь на берегу, въ тылу насъ, чтобы запереть насъ въ западню и по-

ставить въ безвыходное положеніе. Неясные слухи о приготовленіяхъ непріятеля къ такого рода дѣйствіямъ уже носились среди нашихъ войскъ, увеличивая день-ото-дня тревогу и опасенія за недалекое будущее. Какъ на зло, въ это самое время, заболѣваетъ графъ Шуваловъ. Отрядъ поступаетъ подъ начальство генерала Алексѣева. Вся отвѣтственность за судьбу отряда ложится на него. Съ одной стороны, стоявшій передъ нимъ и ожидаемый въ тылу, непріятель; съ другой— надвигавшійся голодъ, нѣсколько разъ понуждали его доносить о своемъ положеніи главнокомандующему, и каждый разъ онъ получалъ въ отвѣтъ одно и то же: «держаться въ Умео до послѣдняго человѣка». Этого требовали обстоятельства и происходившіе уже въ то время переговоры о мирѣ. Дѣлать нечего. Приходилось, по мѣрѣ силъ и возможности, бороться съ наступавшими бѣдствіями и, такъ или иначе, выходить изъ нихъ побѣдителями.

Между тѣмъ, время шло пока. Слухи оставались слухами; приготовленія шли своимъ чередомъ; небольшая грозовая тучка уже надвигалась на насъ со стороны непріятеля, расположеннаго впереди гор. Умео. Однажды (дѣло было 22-го іюня), разлитіемъ рѣки Умео повредило на ней мостъ. Опасаясь, чтобы вода не уничтожила его окончательно и рѣка не отрѣзала-бы авангардъ отъ главныхъ силъ, генералъ Алексѣевъ приказалъ авангарду отступить за рѣку и здѣсь остановиться. Провѣдавшій объ этомъ распоряженіи, непріятель поспѣшилъ воспользоваться своимъ преимуществомъ и, какъ мы узнали потомъ, вознамѣрился атаковать авангардъ, прижать его къ рѣкѣ, прежде чѣмъ

главныя силы поспѣютъ на помогу, по полуразвалившемуся уже мосту. Счастливый случай выручилъ насъ изъ бѣды, открывъ заблаговременно коварный замыселъ непріятеля. Мѣшкать было нечего. Наскоро исправивъ мостъ, мы, всѣми силами, сами перешли въ наступленіе. Часть пошла въ обходъ лѣваго фланга, черезъ дремучій лѣсъ, другая наступала прямо съ фронта. Густой туманъ затягивалъ мѣстность. Колонны съ трудомъ подвигались впередъ по невѣдомымъ тропинкамъ. Ноги натыкались на пни, вѣтви били въ глаза, царапали лицо и руки, туманъ, часъ отъ часу, становился плотнѣе и непроглядиѣе, наступавшія уже сумерки еще болѣе затрудняли движеніе. Около 11-ти часовъ вечера, шедшій впереди, Калужскій полкъ наткнулся на непріятельскій авангардъ. Заслыша шорохъ приближавшихся шаговъ, авангардъ открылъ учащенный огонь. Безмолвный и мрачный лѣсъ вмигъ огласился перекатными залпами и освѣтился тысячами вспыхивающихъ огоньковъ. Калужцы не смѣшались. Быстро разсыпавшись, они отвѣтили такимъ же огнемъ и почти тотчасъ-же бросились въ штыки. Ночь и туманъ скрывали отъ глазъ противниковъ и только по выстрѣламъ и шуму можно было заключить, что наши одолѣваютъ и тѣснятъ непріятельскій авангардъ. На плечахъ отступающаго авангарда, ворвались наши въ ряды главныхъ силъ, и такъ поспѣшно и неожиданно, что чуть не захватили главнаго начальника ихъ, успѣвшаго скрыться, оставивъ на столѣ въ своей хатѣ горячій, недоѣденный ужинъ.

Къ довершенію побѣды, въ это время раздались ружейные выстрѣлы противъ лѣваго непріятельскаго

фланга, возвѣстившіе намъ о приближеніи другой нашей колонны, шедшей въ обходъ. Тѣснимый съ фронта и фланга, непріятель, въ полномъ разстройствѣ, отступилъ, и только рѣка, на которой успѣли разобрать мостъ, спасла его отъ полнаго разгрома. Въ этомъ дѣлѣ, извѣстномъ подъ именемъ дѣла «при Гернефорсѣ», непріятель, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, потерялъ 5 офицеровъ и 125 нижнихъ чиновъ плѣнными; у насъ выбыло изъ строя 180 человѣкъ.

Прошла недѣля. Утомленные постояннымъ ожиданіемъ опасности, русскіе, мало-по-малу, свыклись съ нею, смотрѣли на будущее спокойнѣе; но, тѣмъ не менѣе, не переставали заботиться о своемъ усиленіи и принимать различныя мѣры предосторожности, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. Шведы также недремали. Чего мы ожидали, то вскорѣ должно было случиться на дѣлѣ. Гдѣ-то, вдали, подъ покровомъ глубокой тайны, онѣ собирали войска, сажали ихъ на корабли и, видимо, намѣревались, поставивъ насъ межъ двухъ огней, нанести намъ жестокое пораженіе. Для бо́льшаго успѣха своего предпріятія, чтобы выиграть необходимое для того время и еще пуще затемнить свои истинныя намѣренія, они завели съ нами переговоры о перемиріи, предлагая сначала довольно выгодныя условія. Переговоры, какъ и слѣдовало ожидать, затянулись. Шведы пользовались каждымъ проходившимъ днемъ, чтобы скорѣе окончить посадку войскъ на суда и двинуть ихъ, моремъ, въ нашъ тылъ. Пока шли переговоры, пока непріятель дѣлалъ свои приготовленія, мы получили значительное подкрѣпленіе: изъ Петербурга въ Умео прилетѣлъ, на почтовыхъ извѣст-

ный уже намъ герой Куортанской битвы, графъ Каменскій. Уже одно имя его, прославившееся побѣдами и снискавшее общую любовь подчиненныхъ, стопло тысячи солдатъ. Страшное врагамъ, оно успокаивало и ободряло своихъ. Сама судьба, видимо, посылала графа Каменскаго въ самыя тяжелыя минуты. Какъ, нѣкогда, въ началѣ войны, онъ повернулъ счастье ея въ нашу сторону, такъ теперь долженъ былъ окончить ее со славою и вывести войска невредимыми изъ надвигавшейся со всѣхъ сторонъ бури.

Принявъ начальство надъ войсками, графъ Каменскій тотчасъ-же приступилъ къ дѣлу. Первой его заботой было: обезпечить, по возможности, отрядъ продовольствіемъ, а свой тылъ—отъ вторженія непріятеля. Съ этою цѣлью, часть войскъ была разставлена имъ по пути отъ Торнео до Умео; съ остальными, числомъ около 6-ти тысячъ, онъ предполагалъ перейти въ наступленіе.

Прошло еще нѣсколько времени. Соскучившись выжидать окончанія переговоровъ о перемиріи, графъ Каменскій послалъ сказать графу Вреде, командиру непріятельскаго корпуса, расположеннаго верстахъ въ 30-ти передъ нимъ, за рѣкой Эре, что считаетъ себя свободнымъ возобновить военныя дѣйствія, когда вздумаетъ, и 4-го августа выступилъ изъ Умео, оставивъ въ немъ только 5 баталіоновъ пѣхоты, да столько-же у *Ротана*, на случай появленія непріятеля вблизи этихъ мѣстъ *).

*) Чтобы ясно понять весь ходъ военныхъ дѣйствій, нужно взглянуть на приложенную карту, найти на ней названія упоминаемыхъ мѣстъ и замѣтить расположенія ихъ.

Первоначальный планъ атаки непріятеля состоялъ въ слѣдующемъ: 1-я колонна, подъ начальствомъ генерала Алексѣева, должна была, переправившись черезъ р. Эре, дѣйствовать противъ лѣваго фланга непріятеля; 2-я, подъ личнымъ предводительствомъ самаго графа, наступала на фронтъ съ цѣлью силой овладѣть переправой, оттѣснить непріятеля и, если возможно, покончить съ нимъ ранѣе появленія кораблей съ войсками. Для большей увѣренности войскъ въ счастливомъ окончаніи начатаго движенія, графъ Каменскій, въ отданномъ наканунѣ приказѣ, назначилъ мѣстомъ ночлега на слѣдующій день деревню, лежавшую верстъ пять позади непріятельской позиціи. Все шло благополучно. Колонны безостановочно подвигались впередъ и уже головы ихъ приближались къ намѣченной цѣли, какъ вдругъ, изъ отряда, оставленнаго у Ротана, прискакалъ съ извѣстіемъ гонецъ, что громадный непріятельскій флотъ появился въ виду ихъ и, какъ видно, намѣревается сдѣлать высадку. Предполагавшійся планъ мгновенно измѣнился. Поставленный межъ двухъ огней, графъ Каменскій быстро рѣшается одной частью своихъ войскъ продолжать движеніе впередъ, чтобы не дать возможности графу Вреде самому перейти въ наступленіе, а другую, бо́льшую, повернуть назадъ и ударить на высаживающіеся у Ротана войска. Между тѣмъ, какъ всѣ эти предположенія роились въ обезпокоенной головѣ графа и приводились въ исполненія, часть непріятеля уже вышла на берегъ, атаковала стоявшіе тамъ наши баталіоны, оттѣснила ихъ и заняла позицію на перерѣзъ нашему пути отступленія. Наступившая ночь остановила на время дальнѣйшую высадку не-

пріятеля. Къ разсвѣту, море затянулось плотнымъ туманомъ, задержавшимъ непріятеля еще немного на корабляхъ. Но, вотъ, туманъ мало-по-малу разсѣялся, съ кораблей загрохотали пушки, остатки войскъ спустились на берегъ, присоединились къ находившимся уже тамъ и снова начали тѣснить наши пять баталіоновъ. Неизвѣстно, чѣмъ кончился-бы этотъ неровный бой, если-бы непріятель, устрашившись вѣстью о приближеніи Каменскаго, не прекратилъ-бы своего наступленія и не поспѣшилъ-бы занять оборонительную позицію у *Севара*, верстахъ въ 20-ти позади города Умео. Воспользовавшись этой медленностью и нерѣшительностью, графъ Каменскій успѣлъ сосредоточить свои войска въ Умео и осмотрѣться въ своемъ новомъ, незавидномъ положеніи. Оказалось, что онъ стоялъ теперь межъ двухъ непріятельскихъ корпусовъ. Одинъ— графа Вреде (6,000 человѣкъ), за рѣкою Эре, другой, графа Вахтмейстера, (8,000 человѣкъ)—у Севара. Продолжая, по возможности, ложными атаками удерживать на мѣстѣ первый изъ нихъ, онъ старался, какъ можно скорѣе, избавиться отъ втораго, чтобы не дать имъ возможности одновременно ударить на насъ съ двухъ сторонъ.

Въ предварительныхъ передвиженіяхъ прошло все 6-е число и наступило роковое 7-е.

Сѣдой туманъ медленно расползался въ воздухѣ, когда войска графа Каменскаго двинулись съ послѣдняго ночлега къ непріятельской позиціи у Севара. Противъ 8,000 тысячъ непріятеля мы имѣли только 5,000, при 8-ми орудіяхъ. Какъ и всегда, войска для атаки были раздѣлены на двѣ части. Разница состояла лишь

въ томъ, что по пути слѣдованія обходной колонны лежалъ небольшой заливъ, черезъ который приходилось перейти ей въ бродъ, прежде чѣмъ достигнуть непріятеля. Непріятель занималъ позиціи по обѣ стороны рѣки, на которой стоитъ Севаръ; но большинство его, къ началу боя, было сосредоточено на высотѣ передъ рѣкой. Эта-то высота и была выбрана главнымъ мѣстомъ нашей атаки, куда вскорѣ направились наши войска.

Лишь только авангардъ ихъ показался изъ лѣса, какъ оглушительные пушечные выстрѣлы раздались съ высоты, возвѣстивъ о началѣ знаменитаго дѣла и на далекое разстояніе огласивъ окрестности. Заслыша выстрѣлы, наша батарея быстро вынеслась впередъ, стала на позиціи и также открыла огонь. Выстрѣлы мѣрно слѣдовали одинъ за другимъ, какъ-бы переговариваясь и вызывая къ бою, скрытую пока въ лѣсу, пѣхоту. Пороховой дымъ, смѣшиваясь съ неразсѣявшимся еще туманомъ, разстилался по мокрой землѣ и закрывалъ густую непріятельскую цѣпь, выдвинутую намъ на встрѣчу. Подъ громъ орудій и визгъ снарядовъ разсыпались по опушкѣ лѣса и наши стрѣлки; укрываясь за стволами деревьевъ, за каждой кочкой и бугоркомъ, зарядили свои ружья, приладились и начали стрѣлять.

Пафъ! пафъ!—раздалось въ разныхъ мѣстахъ лѣсной опушки. Свистнула пуля, одна, другая, третья... все чаще и чаще раздавались выстрѣлы, все чаще свистѣли пули. Густые орудійные выстрѣлы на мигъ заглушали учащающуюся трескотню ружейныхъ. Непріятельская передовая цѣпь, отстрѣливаясь, подалась назадъ. Огонь усиливался, позиціи дымились. То тамъ, то сямъ огнен-

ные языки прорѣзывали пороховой дымъ. Иногда, совершенно правильное дымовое кольцо взвивалось въ воздухѣ и не успѣвало еще разсѣяться, какъ на мѣсто его появлялось новое. Бой разгорался. Предчувствуя наше намѣреніе, непріятель усиливалъ огонь. Пули съ озлобленіемъ шлепались о деревья, за которыми скрывались наши стрѣлки; снаряды ложились на батарею, бороздили землю, ударялись о деревья, оставляя на ихъ стволахъ глубокій слѣдъ, и вокругъ цѣлую кучу поломанныхъ вѣтвей и листьевъ.

«Впередъ, ребята, ура!»—раздался, вдругъ, властный голосъ начальника. Сѣрыя фигуры стрѣлковъ отдѣлились отъ деревьевъ; словно изъ земли, выросла молодецкая рать и во всемъ своемъ непобѣдимомъ могуществѣ предстала передъ глазами врага. Черезъ минуту, она неслась уже на него, ломила направо и налѣво, и только у самой высоты остановилась, наткнувшись на непріятельскіе штыки.

Завязался рукопашный бой. Цѣлыхъ два часа отчаянно борятся противники. Цѣлыхъ два часа слышится звонъ оружія то—на вершинѣ горы, то—у ея подошвы. Каждый проходившій лишній часъ грозилъ намъ серьезной опасностью. Позади, въ тылу находился еще непріятельскій корпусъ графа Вреде, который ежеминутно могъ смять оставленныя противъ него наши незначительныя силы и, появившись на полѣ битвы у Севара въ самый разгаръ боя, уничтожить отрядъ. Это сознаніе придавало намъ отчаянную храбрость. Истомленные двухчасовымъ непрерывнымъ боемъ, ослабленные значительными потерями, рванулись наши еще разъ на штурмъ. Непріятель не выдержалъ друж-

наго натиска и началъ отступать. Воспользовавшись этимъ успѣхомъ, графъ Каменскій поставилъ на занятой высотѣ всѣ свои 8 орудій и учащеннымъ, картечнымъ огнемъ началъ громить отступающаго непріятеля. Торжество наше было, однако, непродолжительно. Отступившіе, получивъ значительныя подкрѣпленія свѣжими войсками, снова перешли въ наступленіе, стараясь окружить занятую нами высоту со всѣхъ сторонъ и принудить насъ къ сдачѣ. Опять задымилась высота, загрохотали выстрѣлы. Для отраженія атаки у насъ оставался одинъ только свѣжій баталіонъ Азовскаго полка. Командиръ этого полка, генералъ Ростовцевъ, видя наступающія непріятельскія колонны, обратился къ графу Каменскому съ просьбой ударить на нихъ въ штыки съ оставшимся свѣжимъ баталіономъ Азовцевъ и, если возможно, остановить наступленіе.

— Съ Богомъ!—отвѣтилъ Каменскій, махнувъ рукой по направленію къ непріятелю.—Если не пробьемся, то сбросимъ ранцы и уйдемъ въ Россію черезъ Лапландскія горы!— добавилъ онъ потомъ, сознавая свое отчаянное положеніе.

Напутствуемые добрыми пожеланіями, съ отважнымъ шефомъ во главѣ, Азовцы бросились съ высоты въ атаку. Черезъ какихъ-нибудь $^1/_4$ часа, они врѣзались уже въ ряды непріятеля. Ихъ примѣру послѣдовали остатки другихъ нашихъ войскъ и наступленіе было остановлено. Два генерала пали благородной смертью и одинъ изъ нихъ былъ именно Ростовцевъ, по предложенію котораго началась атака.

Утвердившись снова на высотѣ, графъ Каменскій съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать извѣстій отъ обходной

колонны, посланной, какъ мы видѣли, черезъ заливъ, въ обходъ лѣваго флапга непріятеля. По времени, она давно должна уже была достигнуть намѣченной цѣли. На нее возлагались всѣ надежды, отъ ея дѣйствій зависѣлъ исходъ настоящаго сраженія.

Между тѣмъ, какъ въ главной фронтальной колоннѣ боролись за обладаніе высотой и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ правому флангу, обходная окунулась въ заливъ и по колѣно въ водѣ, увязая въ илистомъ, неровномъ днѣ, перебиралась на ту сторону. Теченіе было быстрое. Снявъ сапоги и аммуницію, и повѣсивъ то и другое на ружья, солдаты осторожно подвигались впередъ. Идущіе впереди, ощупывали дно длинными палками, изрѣдка останавливаясь, чтобы перевести духъ и предупредить заднихъ: «держи маленечко полѣвѣй, ребята; здѣсь будетъ помельче!»— кричали они, и длинная веренпца извивалась змѣей, принимая то—вправо, то—влѣво и представляя собою странный движущійся лѣсъ штыковъ, унизанныхъ сапогами и разной разностью. Не обошлось, конечно, безъ забавныхъ сценъ, разнообразившихъ утомительное движеніе и вызывавшихъ взрывы дружнаго веселаго хохота.

Пройдя саженей 300 по этому неудобному пути, колонна начала выбираться на берегъ и приготовляться къ наступленію. На встрѣчу ей, съ главной непріятельской позиціи, отдѣлили три баталіона пѣхоты. Завязалась живая ружейная и артиллерійская перестрѣлка.

Радостно забилось сердце графа Каменскаго, когда онъ впервые услышалъ эти выстрѣлы. Не долго ду-

мая, онъ приказываетъ, для облегченія дѣйствій обходной колонны, двумъ, стоявшимъ по близости баталіонамъ, ударить въ правый и лѣвый флангъ непріятеля. Шведы, разломавъ мостъ, отступили за рѣку, но все еще продолжали оказывать упорное сопротивленіе. Въ это самое время случилось то, чего никакъ никто не могъ ожидать, и всего менѣе непріятель. Въ тылу его 3-хъ баталіоновъ, отправленныхъ на встрѣчу нашей обходной колонны и уже завязавшихъ съ нею перестрѣлку, появились наши стрѣлки. То былъ Сѣвскаго полка штабсъ-капитанъ Шрейдеръ, съ 5-ю ротами перешедшій рѣку вбродъ и ставшій теперь въ промежуткѣ между лѣвымъ флангомъ главной шведской позиціи и названными тремя баталіонами. Раздѣливъ своихъ молодцовъ на двѣ части, онъ одну повернулъ лицомъ къ первымъ, другую—ко вторымъ, и своимъ геройскимъ поступкомъ сдѣлалъ то, что, отрѣзанные отъ своихъ, три непріятельскіе баталіона вскорѣ обратились въ положительное бѣгство, а за ними стали отходить и главныя силы. Сраженіе было выиграно. Отряды казаковъ преслѣдовали разсѣявшихся шведовъ, а графъ Каменскій спѣшилъ дать отдыхъ истомленнымъ 9-тичасовымъ боемъ войскамъ, чтобы, на слѣдующій день, со свѣжими силами ударить на нихъ и заставить убраться на суда, ожидавшія ихъ у Ротана.

— Не дамъ Вахтмейстеру покоя, пока не заставлю его покинуть ротанскую гавань,—говорилъ Каменскій, разсказывая окружающимъ его начальникамъ свой планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

День клонился къ вечеру. Уже послѣдніе запоздавшіе выстрѣлы смолкли вдали, когда изъ Умео пришло

извѣстіе о движеніи къ этому городу корпуса графа Вреде. Ожидавшій весь день этого движенія, графъ Каменскій не испугался его теперь, когда уже на половину было покончено съ графомъ Вахтмейстеромъ. «Держаться въ Умео до послѣдней крайности»,—написалъ онъ начальнику нашихъ войскъ, оборонявшихъ Умео, а самъ, на слѣдующій день, рано утромъ, двинулся къ Ротану.

Незадолго до полудня, показались вдали непріятельскіе полки, направлявшіеся къ морю, на которомъ ожидалъ ихъ флотъ. Каменскій продолжалъ движеніе,ославъ, въ то же время, непріятелю предложеніе о сдачѣ войскъ, не успѣвшихъ еще сѣсть на суда; въ случаѣ отказа, угрожалъ атакой. Шведы, какъ и слѣдовало ожидать, не согласились, вѣроятно, разсчитывая на скорое прибытіе корпуса графа Вреде, и просили только, чтобы мы позволили имъ свободно сѣсть на суда и убраться во свояси. Не вступая болѣе въ переговоры, Каменскій тотчасъ же двинулся въ атаку. Шведы ускорили посадку, удерживая нашъ натискъ огнемъ своего арріергарда и громадныхъ корабельныхъ орудій. Черныя жерла этихъ чудовищъ зловѣще смотрѣли на насъ изъ своихъ амбразуръ, поминутно выбрасывая клубы дыма и посылая къ намъ громадныя, въ десятки пудовъ вѣсомъ, снаряды. Наши орудія не добрасывали снарядовъ и мало ими вредили непріятелю. Гораздо большую пользу принесла густая стрѣлковая цѣпь, разсыпавшаяся по берегу въ лѣсу и мѣткимъ огнемъ бившая по непріятельскимъ лодкамъ.

Почти до полуночи гремѣла канонада, дымились берега, свистѣли ядра и пули; а день спустя, грозный

непріятельскій флотъ, окончивъ посадку войскъ, началъ вытягиваться въ море, уступивъ безстрашію нашихъ войскъ и неутомимой дѣятельности ихъ командира.

Покончивъ съ корпусомъ Вахтмейстера, графъ Каменскій мало теперь заботился о корпусѣ графа Вреде, который, вскорѣ, узнавъ о пораженіи своего собрата у Севара и отплытіи изъ Ротана, прекратилъ наступленіе. Послѣдняя блистательная побѣда закончила войну. Донося объ этой битвѣ, графъ Каменскій такъ отзывался объ участникахъ ея:

«Не могу нахвалиться усердіемъ, храбростью и неутомимостью всѣхъ чиновъ. Изъ одного боя, войска поспѣшали къ другому; съ поля сраженія дѣлали тотчасъ же форсированные марши; послѣ форсированныхъ маршей вступали опять въ бой съ тою же бодростью духа и непоколебимой храбростью, которыя всегда знаменовали ихъ».

Къ сожалѣнію, битва у Севара, и потомъ у Ротана, стоила намъ многихъ жертвъ. Болѣе 1,500 нижнихъ чиновъ, 37 офицеровъ и 2 генерала пали геройской смертью на поляхъ Швеціи, не позволивъ посрамить свои боевыя знамена и славу дорогаго Отечества.

Прошли года. Тѣла ваши давно уже обратились въ прахъ, высохли горячія слезы вашихъ близкихъ, но славныя имена, попавъ на страницы исторіи Русской арміи, навсегда останутся въ памяти народной, какъ примѣръ безстрашія, любви и преданности. Вотъ, чѣмъ дорога славная смерть на полѣ битвы, и вотъ, гдѣ нужно умѣть умирать, какъ подобаетъ, православному

воину! Милліоны людей умерли и продолжаютъ умирать теперь обыкновенной смертью; но многіе-ли изъ нихъ заслужили ту безсмертную славу, на долго пережившую ихъ бренныя тѣла, которую получилъ простой воинъ, убитый на полѣ брани?! Самые дорогіе люди забываются, но великіе, или пожертвовавшіе собой на общую пользу, — никогда. «Вѣчная память», память народная, дѣйствительно, хранитъ ихъ имена, какъ дорогія, милыя каждому, сокровища.

Бой у Севара нанесъ противнику окончательный, рѣшительный ударъ. Потерявъ въ немъ болѣе 2,000 человѣкъ убитыми и ранеными, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, потерялъ и послѣднюю надежду — побѣдить насъ. Виновникъ этой побѣды, графъ Каменскій, получилъ, усыпанный брилліантами, орденъ св. Александра Невскаго, нижніе чины—знаки отличія Военнаго ордена различныхъ степеней, и событія быстрыми шагами начали приближаться къ миру. 5-го сентября онъ былъ подписанъ. Финляндія, вплоть до рѣки Торнео, Аландскіе острова и окружающія ихъ воды, на вѣчныя времена присоединены къ Россіи.

Такимъ образомъ, Императоръ Александръ I-й блистательно закончилъ то, что, за сто лѣтъ до него, было начато Императоромъ Петромъ I-мъ, Великимъ.

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛОВЪ:

ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ и ЧТЕНІЕ для НАРОДА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

310.—**Осада Троицко-Сергіевскаго монастыря** (въ 1608—10 гг.). Съ рисункомъ 1881 г. Цѣна 10 коп. сер.

232.—**Отечественная война 1812 года.** Глава I. Очеркъ событій, предшествовавшихъ войнѣ 1812 года.—Глава II. Битва при Краснокъ, Смоленскѣ и Лубинѣ. — Глава III. Шевардинская и Бородинская битвы.—Глава IV. Французы въ Москвѣ. — Глава V. Сраженіе при Тарутинѣ и Малоярославцѣ.—Глава VI. Сраженіе при Краснокъ и Березинская переправа. Изд. 1877 года. Съ 4 рис. Цѣна 40 к. съ перес.

118.—**Полтавская битва.** Историч. разсказъ. Съ рисункомъ. Изд. 1876 г. Цѣна 10 коп. с.

119.—**Бородинская битва.** Историч. разсказъ. Съ рис. Изд. 3-е. 1876 г. Цѣна 10 к. с.

198.—**Наваринская битва.** (Съ рис.) Изд. 1878 г. Цѣна 10 коп. с.

244.—**Описаніе восточной войны 1853—1856 гг., со включеніемъ подробнаго описанія безпримѣрной геройской защиты Севастополя. Посвящено Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу, издано для войска и народа вообще. «Описаніе Восточной войны»** отпечатано въ 8-ю долю обыкновеннаго формата, на 35-ти листахъ (560 стран.), съ 62-мя портретами и рисунками. Цѣна 1 р. 75 коп., за перес. 25 коп., а всего 2 рубля.

111.—**Севастополь и его доблестные защитники.** Изд. 4-е, дополненное, съ 20-ю рис. 1873 г. Цѣна 45 коп., съ перес. 50 коп.

180.—**Мужественная защита укрѣпленія Ахты въ 1848 г.** (на Кавказѣ). Изд. 1873 г. Съ 5-ю рис. Цѣна 15 коп. сер.

203.—**Геройская защита 40 русскихъ** противъ 1,500 повстанцевъ въ дѣлѣ при дер. Сендзіовице, 14-го августа 1863 г. Изд. 1884 г. Съ 2 рис. Цѣна 12 коп., съ перес. 15 коп.

315.—**Осада и штурмъ текинской крѣпости Геокъ-Тепе.** (Съ двумя планами) Изд. 1882 г. Цѣна 25 коп.

333.—**Сраженіе при Фершампенуазѣ** въ 1814 году. Изд. 1884 г. Цѣна съ перес. 8 коп.

335.—**Шесть мѣсяцевъ на Шипкѣ.** Изд. 1884 г. Цѣна 45 коп.

336.—**Взятіе Хивы** въ 1873 году. Изд. 1884 г. Цѣна съ пересылкою 28 коп.

340.—**Взятіе Парижа** въ 1814 г. Изд. 1884 г. Цѣна съ перес. 8 коп.

342.—**Нападеніе на Петропавловскій портъ** англо-французской эскадры въ 1854 году. Изд. 1884 г. Цѣна 10 коп.

354.—**Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау.** Изд. 1885 г. Цѣна 5 коп.

360.—**Сраженіе подъ Фридландомъ** (съ планомъ). Изд. 1885 года. Цѣна 8 коп., съ перес. 11 коп.

365.—**Сраженіе подъ Кремсомъ** 30-го октября 1805 года (съ 2-мя планами). Изд. 1885 г. Цѣна 5 коп., съ перес. 8 к.

369.—**Сраженіе подъ Люценомъ** 20-го апрѣля 1813 г. (Съ планомъ). Изд. 1885 г. Цѣна 11 коп. съ перес.

380.—**Побѣда Русскихъ надъ Афганцами на р. Кушкѣ**, 18-го марта 1885 г. Съ 6-ю рисунками. Цѣна 15 коп.

388.—**Ахалъ-текинская экспедиція** 1879 года (съ 9-ю рисунками). Изд. 1886 г. Цѣна 25 коп., съ перес. 28 коп.

383.—**Сраженіе подъ Кульмомъ.** (Съ двумя планами). Цѣна 8 коп.

351.—**Подвигъ греческихъ охотниковъ на берегу Сулинскаго рукава** 26-го іюня 1854 г. (Съ рисункомъ). Изд. 1885 г. Цѣна 3 коп., съ перес. 6 коп.

165.—**Разсказы о военныхъ подвигахъ.** (36 разсказовъ), Съ 1 рис. 1872 г. Цѣна 20 коп. с.

258.—**Военные подвиги** частей войскъ и отдѣльныхъ лицъ, совершенные *во славу русскаго оружія*, въ турецкую войну 1877—1878 гг. Изд. 1878 г. Съ 16 рис. Цѣна 60 коп., съ перес. 75 коп.

262.—**Доблести русскихъ войскъ.** *Посвящается новобранцамъ.* Изд. 1878 г. Цѣна 10 коп. с.

373.—**Бой л.-гв. Московскаго полка подъ Арабъ-Конакомъ** 21-го ноября 1877 г. (съ 2 рисунками). Изд. 1885 г. Цѣна 10 коп. съ перес. 13 коп.

375.—**Воспоминанія стрѣлка.** *Разсказъ о походѣ л.-гв. 1-го Его Величества стрѣлковаго баталіона въ войну съ турками 1877—78 годовъ.* Посвящается боевымъ товарищамъ, стрѣлкамъ Его Величества. Съ 11-ю рисунками. Цѣна 75 коп.

384.—**Воспоминанія о походѣ 18-го пѣх. Вологодскаго полка въ Турцію** въ 1877—1878 гг. Посвящ. памяти старыхъ сослуживцевъ и боевыхъ товар. Волог. полка. Съ 12-ю рис. Цѣна 55 коп.

327.—**Краткій очеркъ двухсотлѣтней службы л.-гв. Преображенскаго полка.** Съ 13-ю рис. Цѣна 40 коп.

201.—**Антонъ Васильевичъ Головатый**, кошевой, первый атаманъ черноморскихъ казаковъ. Изд. 1874 г. Цѣна 12 к., съ перес. 15 коп.

233.—**Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій.** Изд. 1876 г. Съ 1 рис. Цѣна 15 коп.

144.—**Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.** Съ рисунк. Изд. 1871 г. Цѣна 8 к.

114.—**Графъ Суворовъ-Рымникскій**, генералиссимусъ русскихъ войскъ. Изд. 4-е, 1882 г., дополненное. Цѣна 50 коп., съ перес. 55 коп.

117.—**Бояринъ Матвѣевъ.** Историч. разсказъ. Съ 4 рисунк. Цѣна 20 к.

105.—**Иванъ Сусанинъ.** Историч. пов. Съ 2 рис. Изд. 4-е 1879 г. Цѣна 10 коп.

193.—**Князь Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.** Съ 2 рисунк. Цѣна 15 к.

101.—**Н. П. Слѣпцовъ, ген.-маіоръ, командиръ 1-го Сунженскаго казачьяго полка и его боевая дѣятельность.** Съ 3 рис. Изд. 1875 г. Цѣна 15 коп.

319.—**Генералъ-адъютантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.** Краткое жизнеописаніе, съ портретомъ и двумя рисунками. Изд. 1882 г. Цѣна 20 коп.

334.—**Генералъ-лейтенантъ Яковъ Петровичъ Баклановъ.** Краткое жизнеописаніе. Изд. 1884 г. Цѣна съ перес. 23 коп.

344.—**Генералъ-адъютантъ, графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.** Краткое жизнеописаніе, съ двумя портретами. Изд. 1884 г. Цѣна 8 коп.

359.—**Денисъ Васильевичъ Давыдовъ,** знаменитый партизанъ. Изд. 1885 г. Цѣна 30 коп.

337.—**О смыслѣ того, чему учатъ солдата.** (Опытъ пособія при обученіи новобранцевъ). Изд. 1884 г. Цѣна съ перес. 13 коп.

236.—**Свѣдѣнія изъ военно-уголовныхъ законовъ.** Изд. 2-е, 1881 г., исправленное и дополненное. Цѣна 15 коп.

129.—**Караульная служба.** Изд. 2-е, исправленное по Уставу о гарнизонной службѣ 1884 г. Съ приложеніемъ формъ постовой вѣдомости, рапортовъ и конспекта въ вопросахъ для повторенія. Цѣна 20 к.

Эти книжки составлены въ *вопросахъ и отвѣтахъ* — какъ пособія для обучающихся въ полковыхъ учебныхъ командахъ нижнихъ чиновъ, при чемъ Редакція вполнѣ руководствовалась Высочайше утвержденною программою, объявленною при приказѣ по Военному вѣдомству 1875 года, за № 52.

130.—**Статьи дисциплинарнаго устава,** относящіяся до воинскихъ нижнихъ чиновъ. Цѣна 10 коп.

133.—**Статьи Воинскаго устава о наказаніяхъ,** относящихся до воинскихъ нижнихъ чиновъ. Цѣна 20 коп.

Извлечено изъ Высочайше утвержденнаго 27-го марта 1875 г. Воинскаго Устава о наказаніяхъ.

312.—**Карманная памятная книжка для старшихъ конвойныхъ,** сопровождающихъ арестантовъ (въ вопросахъ и отвѣтахъ). Изд. 1882 года. Цѣна съ перес. 8 коп.

Эта книжка составлена согласно приказа по Военному вѣдомству отъ 26-го іюля 1881 г., за № 169.

345.—**Простой способъ опредѣленія разстояній.** Изд. 1884 г. Цѣна 2 коп.

350.—**Нѣсколько совѣтовъ учителямъ молодыхъ солдатъ.** Изд. 1884 года. Цѣна 5 коп.

392.—**Повѣрка первыхъ боевыхъ выстрѣловъ** (съ чертежами). Изд. 1886 г. Цѣна 5 коп., съ перес. 8 коп.

„ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ“

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

имѣетъ цѣлью содѣйствовать умственному и нравственному развитію и самообразованію солдатъ.

Журналъ „Чтеніе для Солдатъ“ рекомендованъ войскамъ бывшимъ Комитетомъ по устройству и образованію войскъ и помѣщенъ въ „Систематическомъ Каталогѣ“, объявленномъ при циркулярѣ Главнаго Штаба отъ 11-го сентября 1879 года, за № 343.

Цѣна за годовое изданіе журнала „Чтеніе для Солдатъ“ (12 выпусковъ), съ *безплатными* приложеніями, съ пересылкою четыре рубля.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЧТЕНІЕ для НАРОДА“

имѣетъ цѣлью содѣйствовать первоначальному самообразованію, основанному на нравственныхъ началахъ и религіозныхъ истинахъ Православной Вѣры.

Цѣна за годовое (12 книжекъ) изданіе журнала „Чтеніе для Народа“ съ пересылкою четыре рубля.

Требованія на оба вышеозначенные журнала слѣдуетъ посылать исключительно *въ Главную Контору Редакціи сихъ журналовъ*, находящуюся въ С.-Петербургѣ, по Сергіевской, близъ Литейной, д. № 15, кв. 3.

Подвиги русскихъ войскъ въ Финляндіи.—Цѣна 35 коп.

2007099198